ИВ. ШМЕЛЕВЪ

СТЕПНОЕ ЧУДО

СКАЗКИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

ИЗДАНІЯ „ВОЗРОЖДЕНІЯ“

	Цѣна во Франціи
Ив. Шмелевъ.—Солнце мертвыхъ (въ 1 томѣ) . . .	15 фр.
Евг. Чириковъ.—Мой романъ (въ 1 томѣ)	25 фр.
В. Новиковъ.—Фашизмъ (въ 1 томѣ)	8 фр.
Ив. Шмелевъ.—Человѣкъ изъ ресторана (въ 1 т.)	15 фр.
Ген. П. А. Половцовъ.—Дни затменія (въ 1 томѣ)	15 фр.
Илья Сургучевъ.—Эмигрантскіе разсказы (въ 1 т.)	15 фр.
Бор. Суворинъ.—Фазанъ (въ 1 томѣ)	15 фр.
Ив. Шмелевъ. — Степное чудо (въ 1 томѣ)	8 фр.
А. Яблоновскій. — Разсказы (въ 1 томѣ)	15 фр.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ÉDITIONS

LA RENAISSANCE

(*Vozrojdenie*)

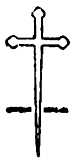
2, Rue de Sèze, 2.—Paris IX.

Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

СТЕПНОЕ ЧУДО

СКАЗКИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНIЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

СТЕПНОЕ ЧУДО

Сказъ

Какого царства, какого государства, — не сказано, — только и не въ турецкой землѣ, — лежала широкая степь, подремывала, снами перемогалась, Миколѣ-Угоднику молилась. А народъ на той степи жилъ, не такъ чтобы разумный какой, но только лаптемъ щи не хлебалъ, а какъ быть полагается. Въ колокола позванивалъ, поповъ не то чтобы уважалъ, а обиды не дѣлалъ. И разбоя большого не было, — такъ, маленько пошаливали развѣ. Родителей не то чтобы почитали, а бивать на міру совѣстились. Жили ни богато, ни бѣдно, мимо чужого не проходили, а чтобы силкомъ, къ примѣру, — закона не забывали. Микола-Угодникъ не пустое мѣсто, — нѣтъ-нѣтъ, а и погрозится, строгій. Да и Илья-Пророкъ — нѣтъ-нѣтъ, да и погромыхаетъ. Тоже и Матерь Божію почитали, помогу бабью, — скорбей тоже повидала, ласковая.

Съ этими-то помогами и жила степь, помаленьку и грамотѣ разумѣть стала, лапти поскидавала, посконь на ситцы посмѣняла.

Забрелъ разъ на ту степь иноземный торговый человѣкъ, оглянулъ ширь-ровень и говоритъ:

— Много земель видалъ, а такую степь впервой вижу. Быть ей богатой надъ богатыми, счастливой надъ счастливыми. То все возишки были, а тутъ возище! Хоть и не споро ѣдетъ, а раньше другого легкаго на горѣ будетъ. А сорвется — и черепья не соберутъ!

Прослышали про то мужики степные и говорятъ:

— За-чѣмъ... У насъ и поговорка такая есть: «тише ѣдешь — далѣ будешь».

Такъ и жили.

А степь-то была какая... — не оглянешь! Другъ про дружку путемъ не знали, что съ одной степи кормятся. И про степь-то свою не знали, какое и званіе-то у ней. Степь и степь.

Какъ ставились въ солдаты, спрашивало ихъ начальство:

— А ну, знаешь, какого государства будешь?

Не знали:

— А со степу мы!

А то и такъ:

— Мы-то?.. Коркино, може, знашь? Оттуля.

Ну, и побойчей бывали:

— А Луговскова уѣзду!

А то и грамотные случались:

— Смологонской губерни, Дегтёвскова уѣзду, Лаптевской волости, села Посконь!

— А государства какого? Родина у тебя имѣется?!

— Имѣемъ. Родина наша будетъ... село Посконь.

— Ну... отечество твое какое? оте-чество?!

— Отечество... Отечество наше будетъ... Михайловъ?.. Иванъ Михайлычъ.

— А, дуракъ... Ну, а госу-дарства?!

А Богъ его знаетъ, что за государство! Про его и старики не знали.

Такъ вотъ, на самой на той степи, по осени, непогожей ночной порой, зашумѣло и зашумѣло, — будто сваи вколачиваютъ! И такой трескъ пошелъ, — не то кости ломаютъ, не то сухостой валится. Да такой вой поднялся, — волки не волки... — а будто и съ бабьимъ схоже. Попрятались мужики на полати да за печь, Миколу-Угодника поминаютъ,—жуть! По утру ходили на степь глядѣть, — нѣтъ ничего! Можетъ, и примерещилось...

***

Шелъ въ ту пору дарьинскій мужикъ Родивонъ въ Михайловку, за колесомъ къ кузнецу.

Идетъ по большой дорогѣ, чуть-свѣтъ, травку стало видать маленько. Версты три прошелъ — слышитъ: позываетъ,— къ низинкѣ, будто. А съ дороги-то не видать, туманъ. Пріостановился Родивонъ и слушаетъ:

— Оооо...о-охъ...

Жалостливый былъ Родивонъ, и взяло его за сердце.

— Воетъ-то какъ неладно... — думаетъ, — никакъ баба?.. Вонъ оно, дѣло-то на что выходитъ... ночью-то намедни!..

Спустился въ ложокъ, — и стихло.

Окликнулъ, — итти-то боязно:

— Чего ты тамъ... эй!?..

И слышитъ опять: стонетъ.

Плечомъ поежилъ, мурашковъ стрясти чтобы, шагнулъ въ логъ поглубже, глядитъ — баба! Лежитъ, ногами къ нему, полсапожки гвоздочками подбиты. Подивился: баба, а полсапожки и доброму мужику впору! Ближе подвинулся...

Самая заправская баба, во всемъ снарядѣ. Сарафанъ — зеленый, съ позументомъ, какъ у Дарьи въ укладкѣ бережется; рукава холстинные, красными городками шиты, — въ Дарьинѣ старыя бабы носятъ; шушунъ откинутъ, рукавчики чутошные, краснымъ подшивомъ оторочены...

Приглядѣлся: красное-то оно красное, да кровь! Помаленьку сталъ съ головы оглядывать...

Голова непокрыта, коса закинулась за ольховый кустъ...

Глядитъ Родивонъ — мать ты моя-а!.. Ну, и косища! Русая да толщенная, — въ руку не заберешь. И вся-то кровищей залита! Глянулъ къ кусту — блеститъ. Парчевая кичка, прозументомъ запутана, повисла.

— Богатая была баба... — думаеть Родивонъ, а самому жуть.

Сталъ дальше оглядывать.

Лобъ чистый, не такъ чтобы высокій, а какъ бабѣ пригожей полагается. Брови... Ну, и брови! А какъ глянулъ во все лицо, — и жуть пропала.

— Ну и баба была... пріятная баба! — думаеть Родивонъ. —Маленько на Дарью мою похожа. Грудь-то — гора! десятерыхъ прокормить...

Очаровался Родивонъ надъ бабой — и про колесо забылъ.

— Эй, родная!.. — позвалъ тихонечко, чуть не плачеть. — Да кто же это надъ тобой такъ..? Да его прямо...

Отозвалась баба — застонула. Дрогнули — поднялись рѣсницы, и зашлось въ Родивонѣ сердце: глянула на него полными слезъ глазами.

— Бабочка ты сердешная...—заплакалъ Родивонъ, припалъ на колѣни, — да чьихъ ты будешь-то? да откудова ты сюды попала?.. Всѣхъ бабъ здѣшнихъ знаю, а тебя и видѣть не видывалъ! Да кто жъ это надъ тобой намудровался, наиздѣвался такъ?..

Глядить баба на Родивона, какъ святая икона...

— О-о-охъ... — стонеть, не сводя глазъ, — дѣти родныя...

Закрыла глаза, — и пошло по лицу, какъ облако.

— Обмерла... — думаеть Родивонъ. — Дѣти?!.. Ахъ, сукины дѣти... а?!.

Поглядѣлъ на бабу... Ку-да ее донести—саженная! Постоялъ-постоялъ, шапку помялъ...

— Ладно. Схожу за колесомъ, объявлю. Дадуть подводу, — можеть, еще отходишься...

Взглянулъ на лицо...

— На-врядъ... Житья-то твоего осталось до вечера.

И пошелъ оть нея, скушный.

Идеть и думаеть:

— Мать-то такую, расчудесную!.. За что жъ они ее такъ испозорили, а? Можетъ, дѣлиться начали?..

Выбрался Родивонъ изъ лога, оглянулся. Лежитъ баба, не движетъ, полсапожки ясными гвоздочками играютъ.

Подумалъ:

— А вѣдь неладно такъ-то... Народу всякаго шляется, еще разуютъ? А полсапожки важнецкіе. Сыму-ка я съ ее полсапожки, для сохранности?...

Воротился къ бабѣ, сталъ легонечко съ ее полсапожки стаскивать. Тянетъ да приговариваетъ:

— Для сохранности я-то, не сумлѣвайся. Можетъ, и чуешь ты, голосу только подать не можешь? Такъ вотъ, ей-богу, грѣха на душу не возьму, Микола-Угодникъ видитъ! Убогова человѣка да разувать... Я Дарьѣ своей намедни справилъ, только гвоздочки дороги... А ихъ, сукиныхъ сыновъ... мы сыщемъ!.. будь покойна.. сыщемъ!..

Лежитъ баба — не шелохнется.

— И съ чего жалѣю-то я тебя такъ, а? И съ чего ты пріятная такая?.. Надъ матерью такъ..! Ну, бываетъ... ну, поскандальничаютъ, поохальничаютъ... ну, вдарятъ разъ... Касьяшка намедни старухѣ руку полѣномъ перешибъ.. дакъ онъ на всю деревню одинъ такой! Бога-то еще помнимъ. Коли слышишь, вотъ тебѣ сказъ: для-ради сохранности разулъ! Ну, и полсапожки!.. Подковки, никакъ, серебреныя?.. больно свѣтлы?..

Вышелъ Родивонъ на дорогу, полсапожки за верха держитъ. И что за диво?! И матерьялецъ легкій, а оттянуло руку! Опустилъ полсапожки наземь, а нога сама въ полсапожекъ лѣзетъ! Влѣзла съ сапогомъ, а все свободно!?..

Подивился Родивонъ, всунулъ другую ногу. Попробовалъ ступануть, — не сдвинешь! Испугался тутъ Родивонъ:

— Охъ, не простая баба, не человѣческая!..

Скинулъ полсапожки — бѣжать! И слышитъ за со-

бой: топы-топы... Оглянулся, — за нимъ идутъ! Схватилъ себя Родивонъ за шапку... — мать родная! Идутъ полсапожки къ нему, болѣ сажени забираютъ! Не убѣжишь. Да и бѣжать не можетъ: свело ноги.

Дошли до него — и стали.

Покрестился Родивонъ, закрестилъ полсапожки, — стоятъ, не движутъ. И отлегло отъ сердца. Вспомнилъ: крестъ вѣдь на ней видалъ!

— Литой крестъ! А полсапожки я для сохранности. Стало быть, ей желательно, чтобы полсапожки ейные въ сохранности у меня остались... Охъ, не простая баба!..

Взялъ полсапожки уважительно, — руки о травку вытеръ, — пошелъ про чудесную бабу объявить. Зашелъ за изволокъ — нѣтъ его...

***

Шелъ той дорогой солдатъ съ похода, мѣшокъ за спиною несъ. Усталъ, свернулъ цыгарку и привалился. Пригрѣло солнышкомъ — задремалъ. Только задремалъ — слышитъ: воронье кричитъ. Глядитъ — сила воронья, кружатъ въ сторонкѣ, неподалечку.

— Падаль, не иначе... — думаетъ, — а, можетъ, что и живое, не дается? Вотъ они, сволочи, и кружатъ, шпикулянты...

Вспомнилъ тутъ солдатъ про мѣшокъ: много добра несетъ! Развязалъ на досугѣ, сталъ переглядывать...

— Брюки новыя, офицерскія... сапоги лаковые, съ самого ротнаго, довелось... послалъ Богъ счастья! Манькѣ шелку-бархату кусокъ цѣльный, — ахнетъ! Подметокъ три пары, сахару десять фунтовъ, ложечки серебреныя, вина бутылка, чаю замѣчательнаго три завертки, понсигаръ... А это чего? Цир-куль! планты мѣрить. Табачку три фунтика, лампочка илитрическая, на ворота, для красоты! Часовъ двое — золотые, серебреные! Мать честная!.. А тутъ... билеты государственные! Въ овинѣ до время спрячу... Какъ опять все нала-

дится, вдарюсь въ самую шпикуляцію, трактиръ открою... И божье благословеніе имѣется, въ рамочкѣ... Микола-Угодникъ, будто... по строгости? Высеребренъ-то какъ ясно!..

Думаетъ про добро солдатъ, а воронье — кар-карр!

— Взглянуть, что ль, пойти, чего базарютъ?..

Взвалилъ мѣшокъ, въ степь пошелъ. Поднялось воронья — туча-тучей. Спустился въ ложокъ, глядитъ...

— Женщина!?.. Нарядная, а босая... Разули, черти!.. Ай загуляла, молодка?.. — окликнулъ солдатъ, веселый. — Подымайся, гулять пойдемъ! Ну, и бочищи!.. Эй, Дуня!..

Шагнулъ поближе — все тутъ и увидалъ солдатъ Перевелъ духъ, утерся...

— Фу, чортъ... какъ напужала... за Маньку принялъ! Нѣтъ, не Манька. А здорово похожа... Чи-стая раскрасавица... была!..

Присѣлъ на-карачкахъ, въ ногахъ заслабло. Цыгарку сосетъ-попыхиваетъ, а руки — дрожью.

— Стало быть, тутъ убійство... И разули. А креста не сняли. А золотой, будто?.. Теперь бы за этотъ крестъ..

Глядитъ — въ ухѣ серьга, жемчужная! Подумалъ солдатъ:

— Ей въ могилѣ безъ надобности, а намъ сгодится. Я, годи, тебѣ и могилку вырою. А крестъ я съ тебя сыму... я тебѣ за его сосновый вытешу...

Потянулся солдатъ крестъ сымать...

Подняла женщина рѣсницы-стрѣлы, повела строгими глазами, какъ на святой иконѣ, да какъ глянетъ..!

Обомлѣлъ солдатъ, не дыхнетъ. И слышитъ, будто изъ-подъ земли, голосъ:

— Не тронь!

И съ того взгляду строгаго, съ того голосу подземнаго, повернулось у солдата сердце. Поглядѣлъ на свои штаны — кровь. На руки поглядѣлъ — въ крови руки...

И слышитъ за собой окликъ:

— Эй, чего у васъ тутъ не вышло?!..

Глядитъ — двое еще стоятъ. Одинъ — матросъ, на шапочкѣ буковки линялыя, — «Три Святителя». Другой — заводской, съ ключомъ, съ молоточкомъ, — слесарь. У матроса лицо румяное, сытое. У заводского — худищее, брови къ носу.

Говоритъ имъ солдатъ:

— Женщину вотъ убили!..

А матросъ и спрашиваетъ, веселый:

— А за чего ее успокоилъ-то?

— Какъ-такъ, я успокоилъ?! — такъ и взвился солдатъ. — Ты ее саданулъ, можетъ... а мы такими дѣлами не занимаемся! По шпикуляціи — это такъ, а душегубствомъ... не занимаемся.

А матросъ смѣется:

— А грабли чего въ крови? Товарищей не опасайся!

— Какой я, къ шуту, тебѣ товарищъ?! — осерчалъ солдатъ. — Чего — грабли? Руки у меня съ войны все въ крови, не отмываются...

— Ладно, — матросъ смѣется, — одна не въ счетъ. Карманы-то у ней имѣются? Стой, мы ей легистрацію наведемъ сейчасъ... А ну, мамаша...?

— Брось, товарищъ... — говоритъ заводской сурьезно, — мертвую тревожить не годится!

Выругался тутъ матросъ нехорошо:

— По-шелъ ты... Живыхъ тревожили, не боялись! Не застъ. Самъ, небось, по карманному производству руку набилъ... Эй, мамаша... а ну-ка, покажь, и гдѣ тутъ у тебя ... кармаша?..

— Нѣтъ, братъ, — сталъ заводской серчать, — не по карманному производству мы, а по металлу...

А матросъ гогочетъ:.

— Во-во! До металла и я охочъ. Вонъ и крестикъ... чѣмъ не металлъ? Солдату-то не доспѣло. Проба-то на немъ имѣется?... Дойдетъ до него чередъ, а сначала пощупаемъ мочалу. А ну, помогай, товарищъ...

— Нехорошо! — говоритъ заводской, брови къ

носу. — Капиталистовъ мы щупали, а надъ мертвыми ругаться рабочій человѣкъ не можетъ. И крови рабочій человѣкъ не любитъ. Не товарищъ я тебѣ по такому дѣлу.

А солдатъ сидитъ-обомлѣлъ, другую цыгарку вертитъ.

— Не това-рищъ!... — кричитъ матросъ, — а какъ винцо пить да денежки дѣлить... — первые?! Другіе за васъ кровяную работу дѣлай? На готовенькое бы только?... Чортъ... да у ней всѣ карманы вырваны!... Ай да солдатъ! Да ты ее еще, можетъ, и...

— Не трожь, живая!! — какъ крикнетъ заводской, не въ себѣ...

За голову схватился — бѣжать!

Будто — чего почудилось! А матросъ ничего, ругается:

— Зайцы-черти! Напакостили да — въ кусты?!.. А ты прямо дѣйствуй! Я мощи вскрывалъ, да не боялся! «Три Святителя» у меня на головѣ, самъ четвертый! Я сейчасъ дознаю, живая она ай мертвая. Жилку такую знаю...

Обругался нехорошимъ словомъ и схватилъ руку женщины...

Тутъ и случилось.

Поднялась рука — полнеба закрыла. Дрогнулъ матросъ и палъ подъ накрывшей его десницей.

Глядитъ солдатъ: что такое... матроса нѣтъ?! И видитъ: растетъ женщина, ноги по всему логу, руки на степь закинулись!...

Встали у солдата волосы дыбомъ, поползъ на-карачкахъ въ степь. И мѣшокъ свой бросилъ.

***

А ужъ и ночь на степь пала. Воронье по мѣстамъ сѣло. Ни зги не видать — темно. Только совы за мышами шарахаютъ.

Вылѣзъ бѣсъ изъ болота, постоялъ — послушалъ... И говоритъ:

— Ладно идутъ дѣла! А ну-ка-сь...?

Привалился къ землѣ — и слушаетъ: чу-уть позываетъ-стонетъ, какъ мушка у паука въ тенеткахъ.

— Скоро можно и шапку надѣть... лихо! — думаетъ себѣ бѣсъ.

И давай плясать-гукать! Плясалъ-плясалъ...

— А ну-ка-сь..?

Привалился — и слушаетъ: та-акъ, будто комарикъ чутошный, позываетъ-стонетъ.

Потеръ бѣсъ лапы, шапку изъ-подъ хвоста вытянулъ, на корявую головешку насунулъ — въ походъ собрался. Идетъ—попрыгиваетъ, падалью отъ него порыгиваетъ. А совы такъ вкругъ него и лётаютъ, такъ и шарахаютъ...

Остановился и думаетъ:

— Главное бы дѣло выгорѣло! Пьяница, можетъ, какой пройдетъ, крестъ сыметъ?... А тамъ плевое дѣло — въ болото затащить. Тогда и вся степь наша! Подохъ Гришка-матросъ, дрогнулъ! Вѣрнаго друга потеряли. А ну-ка-сь...?

Припалъ бѣсъ къ кочкѣ — и слушаетъ: та-акъ, вполчуть, ровно травка по вѣтерку позукиваетъ.

— Послѣдняя ее кровь ходитъ... — говоритъ бѣсъ, язычище до пуза вывалилъ. — Пять минутъ и разговору осталось. Только бы пьянчужка какой набрелъ. Разбойникъ съ нее креста не сыметъ, а пьяница не задумается.

И давай вызывать скрозь землю:

Эй, Мишка, иди!
Эй, Гришка, иди!
Васютка, Стешка,
Аксютка, Лешка,
Сысой, Ивашка,
Косая Машка,

Хрипунъ — Костюшка,
Стигней, Настюшка,
Өедулъ, Микитка,
Пахомъ, Улитка,
Вавилка, Прошка,
Ермилъ, Ерошка,
Максимка-Бубенъ,
Хохолъ изъ Лубенъ,
Дуракъ-Трохимка,
Снохачъ-Яфимка,
Пахабникъ-Пашка,
Блудилка-Дашка...

Всѣхъ степныхъ пьяницъ перебралъ — не слыхать!

Осерчалъ бѣсъ, съ досады подъ хвостъ полѣзъ...

— Вотъ, черти! Съ матери родной сымали, а съ этой—чего боятся?! А я-то имъ въ ухи дулъ: мачеха она вамъ лихая!...

Хвостищемъ за ухомъ поскоблилъ — и вспомнилъ:

— Касьяшку-пьяницу помянуть забылъ! Живорѣза-то самаго!..

И давай:

Товарищъ Касьяша,
Варится у насъ каша,
Лежитъ на степѣ падаль,
Златого креста не надо-ль?...

Слушаетъ — не идетъ Касьяшка!

— И чего ее боятся, черти?! Это мнѣ все старый Микола портитъ! Почитай всѣхъ забыли, а его все помнятъ.

И опять, давай:

Товарищъ Касьяша,
Подошла пора наша,
Сымай крестъ съ падали,
Чтобы всѣ передъ нами падали!...

Слушалъ-слушалъ, да какъ задеретъ хвостъ дудкой... — идетъ!

Да и заерзалъ что-то...

То тѣмъ, то другимъ ухомъ приладится... Скосилъ морду — и говоритъ:

— Твердо чтой-то шагаетъ ноньча..? Я его ходъ знаю...

Слушаетъ: шагаетъ неспѣшно, съ усталью, — топ — топ — топ...

— И каблуки слыхать..?!.. А у него и лаптей-то отродясь не было!...

Слушалъ-слушалъ лопоухій бѣсъ, а шагъ все ближе...

Сѣлъ на кочку, бѣльма выпучилъ — не пойметъ. А тутъ, будто, какъ вѣтеркомъ пахнуло. Глянулъ — да и присѣлъ-пришибся: старый Микола изъ-подъ зари грозится! Темное лицо, во все небо. Погрозилъ — и пропалъ зарницей.

Заерзалъ-затрепыхался бѣсъ, крикнулъ:

— Мэтери твоей чортъ!...

Да какъ лязгнетъ зубомъ, какъ копытами наподдастъ, такъ по деревнямъ всѣ собаки и взвыли. Поджалъ хвостъ да и бухъ въ болото.

***

Шелъ съ далекаго края воинъ. Шелъ безъ дорогъ, прямикомъ, черезъ болота да буреломы, оврагами да лѣсами, глубокими снѣгами. Ноги побилъ, порвался, изголодался. Родину шелъ-искалъ. Спуталъ къ ней бѣсъ дороги, завалилъ-завѣялъ, волковъ рыскать на волю выпустилъ. По слуху шелъ, прямикомъ, откуда позываетъ. Шелъ-шелъ, — и не стало слышно. Остановился, какъ на распутьи, поднялъ глаза къ темному небу и помолился:

— Господи!...

Смотритъ — рука на небѣ! Подняла та рука край

тучи и показала зорю. А изъ-подъ зари старый Микола смотритъ...

Мигъ одинъ, — и пропалъ зарницей.

Всполохнулось у воина сердце, и крикнулъ онъ во всю степь ночную:

— Съ нами Богъ!

И видитъ: бѣжитъ золотой комарикъ, — чутошный огонечекъ съ неба, — свѣчечка копѣечная. Убогія старушки — такія ставятъ. Можетъ, и нашлась на всей степи одна святая душа, молилась въ ту ночь за сына...

Пала та свѣчечка на темную степь и не погасла: чутошнымъ огонечкомъ встала.

Не проглядѣлъ ее воинъ. Идетъ и идетъ, а огонечекъ его ведетъ...

И довелъ до лога.

Всталъ воинъ на краю лога — видитъ: лежитъ женщина, разута-раздѣта, вголовахъ свѣчечка теплится...

Ударило его въ сердце, кинуло въ лицо кровью, зажгло слезами глаза — застлало. Призналъ воинъ свѣтлое лицо то и крикнулъ голосомъ, во всю степь ночную:

— Родимая!...

Услыхала родимая звонкій голосъ, подняла свои рѣсницы-стрѣлы, взглянула глубокими, полными слезъ глазами...

Заглянулъ воинъ въ страждущіе глаза: не смерть ли?...

А тутъ и свѣтать стало.

Стоитъ воинъ одинъ въ логу. Помертвѣло его лицо, — только глаза горятъ. Порвано на плечахъ, порвано на груди, и на ногахъ, — все порвано...

Оглядѣлся, — одинъ туманъ!

Покрестился широкимъ крестомъ на небо.

А свѣчечка и снялась съ земли, и въ руку ему дается.

Понялъ воинъ тотъ знакъ Господень, рванулъ на груди рубаху... — и увидало бѣлое небо пятнышко на груди — знакъ жертвы.

Принялъ воинъ святой огонь — и прожегъ себѣ грудь Крестомъ, черезъ то кровяное пятнышко.

Тутъ и погасла свѣчечка.

Всталъ воинъ вголовахъ, уперся въ сырую землю, подвелъ руки подъ плечи женщины...

И крикнулъ на степь, въ туманъ:

— Эй, люди!...

Слушаетъ... Нѣтъ отвѣта.

Увязъ воинъ въ сырой землѣ, послѣднія силы напрягаетъ. А родимая не опускаетъ стрѣлы-рѣсницы свои, глядитъ на него, глубокими, полными слезъ глазами...

И въ другой разъ крикнулъ:

— Эй, други!...

Слушаетъ: пѣтухи по деревнямъ перекликаются?..

Вотъ-вотъ разорвется сердце. А Она смотритъ, смотритъ....

И крикнулъ крикомъ нечеловѣческимъ:

— Эй, братья!...

Пошелъ по степи шорохъ. Пѣтухи кричатъ по деревнямъ, будятъ. И слышитъ человѣчій голосъ:

— Иду...

И слышитъ еще:

— Иду...

Много-много. Шумитъ-шевелитъ травой...

И мужикъ съ колесомъ бѣжитъ:

— Я, Родивонъ изъ Дарьина...

И еще, много-много, — будто трава степная...

Подняла женщина рѣсницы-стрѣлы, глядитъ радостными, полными слезъ глазами. Слышитъ: шумитъ и шумитъ по степи!...

Закинула бѣлыя руки за голову — и потянулась... Ноги изъ лога вышли, руки на степь закинулись...

Да гдѣ жъ коса-то ея?!

Далёко стоятъ лѣса, осенніе, золотые въ солнцѣ.

А лобъ бѣлый?

Вытянулись бѣлые пески.

А глаза, полные слезъ, святые?

Нѣтъ глазъ: синія моря, синія... далекія, чуть видны.

И не высокая грудь, а горы ушли подъ небо. И шушунъ самотканный — поля оглаженныя, и сарафанъ — ужъ не сарафанъ, а луга, рѣками-позументами шитые... А руки бѣлыя — пути, безъ конца, безъ края...

***

Стоитъ Родивонъ — видитъ.
Заплакалъ и поклонился земно.
Испугался — вспомнилъ:
— А полсапожки-то я куда...?!...

***

Проснулся — темно въ избѣ. Шумитъ за окошкомъ степь, шумитъ вѣтромъ.

— Сонъ приснился... — думаетъ Родивонъ. — За колесомъ къ кузнецу все шелъ...

Потеръ кулакомъ глаза. Пора и за колесомъ итти. Слѣзъ съ печи, подошелъ къ оконцу, глядитъ въ темную степь, — опомниться все не можетъ.

— Сонъ-то какой привидѣлся!...

И стало ему и жалостливо, и сладко. И пожалѣлъ, что это во снѣ было. Вспомнить хотѣлось невиданные глаза тѣ, — не могъ вспомнить. Стоялъ у окна и слушалъ: шумитъ по степи вѣтеръ.

— За колесомъ, что ль, собрался? — окликнула его Дарья.

Опомнился Родивонъ, сказалъ:

— За колесомъ... да свѣтать чтой-то не свѣтаетъ.

— Чего жъ спозаранковъ-то поднялся?...

— Да такъ...

Одѣлся и пошелъ къ кузнецу за колесомъ.

Чудно! Только вотъ во снѣ было....

Прошелъ версты три, — вотъ и ложокъ тотъ самый. Остановился, послушалъ — не позываетъ ли. Нѣтъ, не позываетъ. Сошелъ съ дороги, заглянулъ въ логъ...

Шумятъ на вѣтру ольховые кусты — и только.

Алушта
Октябрь, 1919 г.

ПРЕОБРАЖЕНЕЦЪ

Сказка

Крутился солдатъ по Питеру на полной своей свободѣ.

На самокатахъ досыта накатался, по дворцамъ на пуховыхъ постеляхъ навалялся, винца всякаго попилъ заморскаго, — сабелькой головки бутылочкамъ срубалъ, — да вдругъ заскучалъ и заскучалъ.

Съ чего такое?..

Пошелъ, для оттяжки, по параднымъ садамъ ходить — смотръ дѣлать: ничего, занятно. То богу какому каменному носъ изъ монтекристы отколупнетъ, то голой дѣвкѣ, на камушкѣ, значокъ врѣжетъ, куда позанятнѣй, — любопытно, а настоящаго чего нѣтъ! Сталъ съ товарищами по погребамъ лазить, изъ боченковъ винцо посасывать, анъ — пожарные налетѣли да изъ кишки наверхъ и выбили, а наверху-то изъ пулеметовъ поливаютъ. И свобода, а не поймешь!

Ужъ чего-чего не пыталъ гвардеецъ преображенскій: и стекла сапогомъ билъ, и фонари-то изъ монтекристы рѣзалъ, и суконце господское въ вагонахъ обдирать принимался, и... На чугуннаго коня у вокзала лазилъ, а настоящей радости нѣтъ и нѣтъ!

Сталъ подъ балконами топтаться, сѣмечки лузгать-поплевывать, въ горсточку поклевывать-одобрять. А съ балконовъ тертые парни на балясинахъ висли, орали-призывали:

— Эй, преображенскій! къ намъ ступай! У насъ бомбы! Пулеметами веселую жизнь готовимъ!

Пріятно слушать, а не тово — голову-то подставлять, о-хота!

Ну, однако, задатокъ взялъ, — самую настоящую «катеринку» дали, законную, — а болтали — нѣмецкія у нихъ деньги! — квитокъ заполучилъ, въ рукавъ засунулъ, — жи-ветъ!

— Смотри, солдатъ, — говорятъ, — приходи, какъ срокъ будетъ!

— Ладно, — говоритъ, — приду обязательно!

А самъ думаетъ:

— Нашли дурака! Зна-емъ, что вамъ надотъ...

Пошелъ по ресторанамъ ходить, самое господское требовать. И шипнанское вино пилъ, и поросенка въ сметанѣ заразъ четыре порціи осадилъ, и юстрицы жевать принимался, и зернистую икру съ глубокой тарелки ложками выхлебывалъ и сладкими пирожками заѣдалъ.. — а настоящаго чего нѣтъ и нѣтъ! Крутился-крутился, — чего бы такого избрѣсти, чтобы душа играла?

Сталъ по закоулкамъ, къ ночи, гулящую публику пріостанавливать, документы провѣрять, — приказъ! Ку-да занятнѣй! То какого-нибудь замѣчательнаго буржуя потрясетъ и необыкновенный какой бумажникъ вытряхнетъ, а въ бумажникѣ-то — всякихъ сортовъ-колеровъ напихано: и царскіе, и съ дворцами, и ярлычки — канарейки — сороковки; то часы золотые на цѣпищѣ, то портсигары голубые — золотые — серебреные. А то такая дѣвица попадется, тоненькая да субтильная, — на ладонь посадить можно, — до смерти напугается, не дышитъ — молитъ:

— Ахъ, ради Бога... солдатикъ... папа-мама...

Забьется — затрепыхается, какъ плотичка. Откуда такія, деликатныя?

Игралъ-игралъ да и напоролся на патрулекъ: насилу черезъ пятыя ворота выдрался.

Прикинулъ капиталы, видитъ — теперь и отдохнуть можно.

Въ Зоологическій садъ, къ разнымъ звѣрямъ пошелъ. Тигру палкой въ морду совалъ, глазъ совѣ пальцемъ выдавилъ, слона за хоботъ качалъ, обезьяну такими обложилъ, — для чего сволочь такая существуетъ?! Нѣтъ тебѣ настоящаго удовольствія! Нѣтъ и нѣтъ.

И памятники всѣ облазилъ, подсолнухомъ заплевалъ, словами исписалъ. И на еропланѣ подымался выше всѣхъ каланчей-соборовъ. И у самой Иглы Адмиралтейской крутился, — вотъ-вотъ отломишь! — на Питеръ на весь плевалъ... — чуть душа поиграла. А какъ на землю спустился — опять невесело!

Что такое?..

Съ самимъ землянымъ министромъ въ автонобилѣ ѣздилъ, для почетной охраны-назначенія, — свой министръ. Подъ ручку господина министра водилъ, на етажи подымалъ на зорькѣ, по частной надобности, — по-пріятельски разговаривалъ:

— Ты, братъ, хошь и земляной министръ, а наше дѣло ни... хря-на не понимаешь!.. У насъ, братъ, во́просъ... зя-мельный!..

Гулялъ-гулялъ, и до того догулялся, что ужъ неможно стало ему ходить. Дня три перемогался — и пошелъ къ доктору.

Вотъ докторъ оглядѣлъ-обсмотрѣлъ, полную ревизію-допросъ сдѣлалъ — и говоритъ:

— Ммда-а, бра-атъ..! Тово не тово, а быть все можетъ!

Похолодѣло у солдата преображенскаго и снутри и снаружи. И взмолился:

— Ослобоните, ваше благородіе!

Вотъ докторъ и говоритъ строго:

— Ну, ужъ это, голубчикъ, не въ моей власти. Пить ни капли, а вотъ тебѣ капли и то и се... Можетъ и чего *дурного* приключиться. Придетъ время — объявится. Держись за носъ!

И дотого напугалъ гвардейца преображенскаго, что какъ пришелъ тотъ въ казарму, завалился на койку и — затихъ. Кругомъ дымъ коромысломъ, на гармоньяхъ да балалайкахъ, на грамофонахъ этихъ нажариваютъ, оголтѣлыя дѣвки по койкамъ сигаютъ-прыгаютъ, такой визгъ-гоготъ, — а преображенскій солдатъ лежитъ-затаился — про свое думаетъ:

— А ну, какъ... да *дурное* приключится? Въ деревню, главное дѣло, надоть... самый вопросъ... зя-мельный!.

Лежитъ и себя томитъ:

— А ну, какъ да носъ провалится?! Въ деревню, въ полной парадной формѣ, при басонахъ да галунахъ, при троихъ часахъ, и вдругъ — безъ носу?.. Дѣвки-то засмѣютъ, стервы! «Чегой-то,— скажутъ, — ай у тебя нѣмцы носъ обточили?»

И такъ ему нехорошо стало — съ души тянетъ.

Сталъ преображенскій солдатъ глазами по стѣнамъ царапаться — помоги какой искать. Нѣтъ ничего: грязь да копоть. Добрался глазомъ до уголка, гдѣ образъ Миколы Угодника, ротный, свой, — и зацѣпился. А не видать ничего, лика-то настоящаго, — гарь-копоть!

— Э-эхъ, нехорошо какъ... — думаетъ преображенскій солдатъ, отъ образа глазъ отцѣпить не можетъ: — И лампадку сапогомъ сбили, и стекло расколотили... и образныя всѣ деньги пропили-подѣлили... Вотъ теперь *его* и не видно стало!...

Крѣпко зажмурилъ глаза солдатъ, вдавилъ голову въ плечи, натужился — *его* вспомнить. Сталъ *его* изъ черноты-копоти глазами-думами къ себѣ вытягивать. Потянулся къ нему изъ копоти Микола, — яснѣй, яснѣй, — хмурыя брови, строгія. И — скрылся.

— Неладно, — думаетъ преображенскій солдатъ. — Обидѣли старика, серчаетъ... Закрылся копотьо, и глядѣть не желаетъ.

Опять понатужился, зубы стиснулъ, глаза зажалъ, — затаился. Выглянулъ изъ копоти Микола.

— Ой, Микола-Угодникъ, — взмолился въ умѣ

солдатъ. — Отведи только то... *дурное!*.. Лампадку справлю, капиталы имѣются!.. Въ нашей церкви, на Спаса-Вышки... здѣсь никакъ не дозволено... а до-ма!

Отпустило съ души немножко, и подумалъ преображенскій солдатъ — уснуть бы. Подумалъ и загадалъ: сонъ пріятный увижу — не будетъ *дурного*, не увижу пріятнаго сна — будетъ.

Вертѣлся-вертѣлся на своей койкѣ — нѣтъ сна. Развѣ уснешь, — визгъ-гоготъ! Пошелъ — хватилъ пива съ одеколономъ, завалился на койку и заснулъ, какъ мертвый.

***

Видитъ преображенскій солдатъ, что идетъ онъ по Питеру, въ полной парадной формѣ, — въ высокой каскѣ, въ тугихъ штанахъ, въ сапогахъ съ жаромъ, съ палашомъ, какъ на смотръ. Идетъ отчетливо, гвардейскій шагъ молодецки печатаетъ — разъ, разъ, разъ! А день зимній, морозный, иглами въ лицо колетъ. И рѣка-Нева — зимняя, снѣжная, голубая-зеленая, — гдѣ посдуло. И розовое за ней въ дымахъ. А за розовымъ — дымно-снѣжнымъ — колокольни-шпили глядятся, закутаны, — золотцемъ проблеснутъ гдѣ-гдѣ. Глядитъ преображенскій солдатъ на бѣлую Неву — здорово-крѣпко взяло! И духъ отъ нея тонкій-легкій, въ носу пощипываетъ, будто навозцемъ потягиваетъ — весной?

Идетъ преображенскій солдатъ — глядитъ. Ни души народу — какъ вымерло! Озирается: ни души! И тишь такая, какъ въ зимнемъ полѣ.

— Съ чего такое? — думаетъ преображенскій солдатъ, — куда дѣвалось?..

А городъ, какъ для парада, какъ передъ праздникомъ, — чистый-чистый. Выметено — ни скорлупки. Чистый снѣжокъ да камень.

А тишь..! И вотъ, слышитъ — часы на той сторонѣ

бить стали, на соборѣ, что-ли, — рѣдко, ясно. Насчиталъ — одиннадцать.

— Двѣнадцатый часъ идетъ, къ обѣду скоро... — подумалъ преображенскій солдатъ.—Стало быть, всѣ при дѣлѣ. Стало быть, строго стало. Значитъ, законъ сурьезный..

И стало солдату жутко: одинъ только онъ мотается. А итти надо, какъ по службѣ!

Идетъ преображенскій солдатъ, смотритъ — Онъ! Мѣдный! Конь на-дыбы взвился, лихо-властно сидитъ на конѣ Мѣдный!

Заглядѣлся солдатъ на Мѣднаго:

— Ухъ, чи-сто!

И все, какъ раньше: и полосатая будка рядомъ, и часовой подъ Мѣднымъ, мохнатый старикъ съ ружьемъ. Стоитъ медвѣдемъ, не шелохнется, въ недвижныхъ ботахъ-кеньгахъ, будто увязъ въ камнѣ. И все — медвѣжье на немъ, и все недвижно: медвѣжья шапка — ведромъ мохнатымъ, и тулупъ-камень, и воротникъ медвѣжій — мохнатый камень; и рукава, тяжелыми мохрами къ землѣ повисли, и полы въ лохмахъ скорузло-тяжко обвисли въ кеньги, и патронташъ на лямкахъ, тяжелый, какъ заслонка, съ орломъ замерзлымъ. И сѣдые усы въ сосулькахъ, и брови нависли надъ глазами, сѣдыя, въ инеѣ, а надъ ними лохмы. А глазъ строгій и вострый, — сторожитъ — сталь-сталью.

Заглядѣлся преображенскій солдатъ на Мѣднаго! И слышитъ — изъ камня окрикъ, и стукъ желѣзный:

— Честь!

Поднялся прикладъ и звякнулъ.

Вздрогнулъ преображенскій солдатъ, — какъ въ грудь ударилъ. Вздрогнулъ точь-въ-точь, словно давно когда-то, въ первое время своей службы, какъ шелъ съ разносной и засмотрѣлся на *Мѣднаго*.

— Честь! — будто съ яраго коня крикнулъ, мѣдью живою крикнулъ.

Вытянулся преображенскій солдатъ и *Мѣдному*

бравую честь отдалъ. И стало ему тутъ жутко: будто *Тотъ* съ тяжелаго коня гнѣвно смотритъ.

Прибавилъ шагу солдатъ, а *тѣ* въ спину ему вонзились, въ самую его душу смотрятъ. А ноги — бревна.

— Стерегутъ... — подумалъ. — Безсмѣнно! И все тѣ же...

Идетъ, какъ бревна везетъ, а по спинѣ мурашки.

А вотъ и Зимній Дворецъ, и здѣсь — ни души, пусто.

Да куда же народъ дѣвался? !

Глядитъ преображенскій солдатъ — дымятъ надъ дворцомъ трубы... Глядитъ — на дворцѣ, на шапкѣ,— высоко царскій штандартъ вьется — по золотому полю черный орелъ играетъ.

Подтянулся преображенскій солдатъ:

Самъ дома!

Идетъ по той сторонѣ, къ рѣкѣ, четко печатаетъ: разъ, разъ, разъ. И слышитъ вдругъ, — даже похолодѣло: впереди кто-то тоже отстукиваетъ по камню: разъ, разъ, разъ!

Приглядѣлся и обомлѣлъ: *Самъ* идетъ!

Призналъ: идетъ по панели, у дворца, самъ Царь Николай, въ походной солдатской формѣ, — въ шинелькѣ сѣрой, въ фуражкѣ гвардейской, смятой, заношенной, любимой, — съ лица скучный, блѣдный, а глаза ясные, — идетъ — думу свою думаетъ, заботу. Идетъ, какъ по дѣлу, твердо.

Сбился съ ноги преображенскій солдатъ, какъ въ мочалѣ завязли ноги. Заерзался. Въ струну натянулось все, огнемъ обожгло, морозомъ... За рѣшетку бы сигануть... назадъ?..

... А ну, какъ спроситъ: почему никакого народу нѣтъ?..

... А ну, какъ крикнетъ: безъ дѣла чего шатаешься?! Строгимъ арестомъ на 5 сутокъ!

Да самое страшное я вспомнилъ:

— А ну, какъ спроситъ...?!...

И только подумалъ — слышитъ знакомый голосъ, отчетливый, смотровой, властный, — хозяйскій голосъ:

— Здорово, Преображенецъ!

Дрогнуло все въ солдатѣ преображенскомъ, дрогнуло снизу вверхъ. Силой неодолимой толкнуло на два шага впередъ, вывернуло къ дворцу, ногою объ ногу звякнуло; вытянуло въ струну все тѣло, голову завернуло въ небо, закаменило лицо морозомъ и выкинуло изъ горла радостное до боли-счастья:

— Здравія, желаю, Вашему, Императорскому, Величеству!

Стрѣльнуло по всему тѣлу—отъ пятокъ до затылка.

Потемнѣло въ глазахъ, и задохнулся преображенскій солдатъ — отъ счастья...

Очнулся солдатъ на койкѣ, открылъ глаза, — и гоготъ, и визгъ, и дымъ. Смотритъ — не понимаетъ. Суются къ нему рожи, усы, вихры... Орутъ глотки:

— Чортъ... сдурѣлъ?!!... Опять Величества запросилъ, чортъ пьяный!

А преображенскій солдатъ только глазами хлопаетъ — не пойметъ. Колотится въ груди сердце, душитъ, вотъ-вотъ черезъ горло выпрыгнетъ. Перевелъ духъ, выпучилъ глаза, лопочетъ:

— Братцы... къ добру ай къ худу?...

А тѣ гогочутъ, подъ бока кулаками тычутъ. Обошелся преображенецъ и говоритъ:

— Сонъ привидѣлся... Самъ... поздоровался...

И стало ему грустно, до тошноты. Лежалъ на койкѣ въ потемнѣвшей казармѣ, по стѣнамъ глазами царапался... — дымъ и гарь...

Пришелъ срокъ *дурному* объявляться, — а его нѣтъ и нѣтъ.

Тутъ и понялъ преображенскій солдатъ, что сонъ-то, пожалуй, пріятный былъ!

А лампадку Миколѣ Угоднику такъ и не справилъ, — все недосугъ было.

Алушта. Октябрь 1919 г.

ВЕСЕЛЫЙ БАРИНЪ

Сказка

Жилъ-былъ веселый баринъ — съ утра до вечера пѣсни пѣлъ. Даже когда въ такомъ мѣстѣ сидѣлъ, куда царь пѣшкомъ ходитъ, и то насвистывалъ. А потому что послалъ ему Господь здоровье такое, что и самые ученые доктора дивились:

— Вамъ, — говорятъ,— и свистать, и пѣть никакъ не возбраняется, потому кишка у васъ такая, что все черезъ ее перегонять можете. Свистите — не сумлѣвайтесь.

Ну, и свисталъ, понятно.

Какъ, Господи благослови, по утру проснется, чайку-кофейку попьетъ съ буденбродами всякими, икоркой да семушкой накроетъ, да пирожками заправится, да ветчинки-коклетки тамъ отмахнетъ, — и свисти! Сейчасъ на машину на свою, на автонобиль, — погоду обревизовать надо, нащотъ морозу, всѣ ли тортуары цѣлы, Кузнецкій Мостъ на своемъ ли мѣстѣ стоитъ, нѣтъ ли диковинокъ какихъ новенькихъ... не гуляютъ ли, — на щиколадъ пригласить. Слѣзетъ и погуляетъ, для апетиту. Идетъ — посвистываетъ, въ тросточку губами наигрываетъ. А мамзели, понятно, вкругъ его увиваются-шелестятся:

— Дозвольте познакомиться... какъ ваше здоровье...

А тотъ свое:

— Мерси-съ-бонжуръ! Не желаете ли прогуляться — щиколадомъ побаловаться...

Зайдутъ за стекла куда, въ приличное заведеніе, щиколаду да крендельковъ тамъ, поотдохнутъ малость.. —анъ селезенка-то и опять играетъ. А тамъ въ банкъ— капиталы свои провѣдать, много ли набѣжало. Сейчасъ ему изъ окошечка насчитаютъ — разъ-разъ... — «Можете получить тридцать тыщъ!» — «Очень вами благодаренъ, мерсисъ». — Насуетъ себѣ полны карманы, глядишь — ужъ и закусить пора, кишка своего дѣла требуетъ.

Ну, въ ресторанъ, понятно, подъ дерева, въ куточекъ. Сидитъ-посвистываетъ, а къ нему лососинка ужъ подплываетъ, подъ графинчикъ, рябчики тамъ пылятъ, огурчики зеленые, икорка зернистая натекаетъ, — ну чего-чего только душа желаетъ!.. Ну, понятно, винца шинпанскаго стаканетъ, пишша-то чтобы не застрѣвала, перрабатывалась скорѣй, въ кишкѣ-то! Сигарку въ зубы, перегонка эта у его урчитъ-работаетъ въ самый разъ, — опять въ машину, высвистывай! Ну, куда? Въ Охотный Рядъ, по дѣламъ съѣздить необходимо. А ужъ тамъ, сами знаете, и безъ ружья настрѣляешь, коли Господь сподобилъ. Куропаточки-рябчики тамъ — такъ въ машину и налетаютъ, разъ-разъ, безо всякаго прицѣлу! И стерлядки-то передъ имъ полощутся, и поросятки... ну, чисто вотъ какъ младенчики въ корытцахъ, въ ледкѣ, подремываютъ... и апельсины-лимоны-мандарины — какого хошь товару нашвыряютъ-нашвыряютъ... и по бутылочной части, и балычки, и... — полна машина закусковъ всякихъ, — хо-ду! Загудитъ-засвищетъ — ворота настежь, лакеи, горничныя — подъ ручки да выбирать... А друзья-пріятели къ обѣду ужъ поджидаютъ, въ ладошки плещутъ, — съ благополучнымъ пріѣздомъ! Ну, конечно, передъ перегонкой-то, кровь-то чтобы прополировать, — въ ванныю, духами прольется, — огурчикъ прямо.

А камергинеръ ужъ и докладываетъ:

— Пожалуйте, сударь-баринъ, на работу-съ... на перегонку-съ!

Ну, трудился такимъ манеромъ до седьмого поту. А ни-чего!.. Потому что кишка ра-ботала...!

Потихоньку да полегоньку, такъ бы и дожилъ веселый баринъ до своего сроку, сколько ему тамъ отъ Господа Бога было отпущено, да человѣкъ-то предполагаетъ, а...

И летитъ къ нему телеграмма отъ управляющаго:

«Такое землетрясеніе случилось, что вся земля наша скрозь землю провалилась!»

Ахнулъ веселый баринъ, а друзья-пріятели утѣшать:

— Да у тебя какіе еще-заводы-фабрики есть! На сто лѣтъ и тебѣ и намъ достанетъ. Пой-свисти!

Маленько поскучалъ баринъ — и отошелъ, опять насвистываетъ.

А ему опять телеграмму:

«Такой пожаръ занялся — всѣ наши заводы-фабрики въ трубу вылетѣли немедленно!»

Такъ веселый баринъ и сѣлъ! А ему — друзья-пріятели:

— Да ты не сумлѣвайся, чудакъ... съ пустяковъ разстраиваться! Да у тебя такіе капиталы въ банкѣ заложены да бриліянты, что на всѣ наши пиры-обѣды на полсотни лѣтъ хватитъ! Свисти безо всякаго сумлѣнія!

— Да съ чего мнѣ, въ сам-дѣлѣ!?. — говоритъ баринъ. — Плевать! На вѣкъ не хватитъ, а на полсотни годовъ вполнѣ. Пей-веселись!

И только это губы въ трубочку-то собралъ — свистнуть чтобы, — срочную ему телеграмму бьютъ:

— «Такіе цари-короли объявились — всѣ капиталы выгребаютъ!»

Тутъ ужъ веселый баринъ и схватился, — на лихача да въ банки:

— Немедленно выдавайте капиталы!

А ужъ тамъ цари-короли орудуютъ.

— Никакихъ вамъ капиталовъ по балансу не причитается, можете поглядѣть!

— Какъ-такъ, не причитается?! Покажите..!

А ему кулачищемъ къ но-су! А въ кулачищѣ-то, сами знаете...

Такъ и помертвѣлъ веселый баринъ, затресся.

— Да вы мнѣ хочь бриліянты мои изнесгораемые отпустите, послѣднее достояніе!..

Пря-мо — плачетъ! А тѣ смѣются:

— Хочь изнесгораемые, а сгорѣли!

— А капиталы-то мои куды жъ дѣвались?

— А капиталы, — говорятъ, — на употребленіе употребили. Да вы больно-то не разговаривайте, а то такъ засвищете, что и кишки не сыщете!

Вотъ тутъ-то веселый баринъ и засвиста-алъ...

Ну, приходитъ домой, глядь—а цари-короли и тутъ начисто подмели. Ни то въ узлы навязываютъ, ни то спать собираются ложиться. Сѣлъ въ уголокъ, пришипился, да такъ до утра и просидѣлъ, — въ прихожей, на табуреточкѣ. Схожу-ка, думаетъ, къ адвокату!

— Такъ и такъ. Произведите по закону. Всѣ мои капиталы употребили...

А тотъ на него накинулся:

— Досвистался, паршивый чортъ?! Все изъ-за тебя, свистуна, землетрясеніе-то случилось! Жили-питались, подъ бока пихались, а теперь и мнѣ къ царямъ-королямъ опредѣляться приходится, на головѣ ходить! Пошелъ вонъ!!

Такого холоду нагналъ — ужахнулся баринъ да къ доктору:

— Посмотите-ка поскорѣй, нѣтъ ли у меня въ головѣ сострясенія... все мнѣ, — говоритъ, — чтой-то будто представляется... всѣ будто на головѣ ходятъ?!..

А докторъ-то на него:

— Я те такъ посмотрю... такой-растакой... Изъ тебя всѣ банки-склянки цари-короли переколотили... изъ

твоего свисту! Самъ съ голоду подыхаю... Все поганой своей кишкой занимался, всю пишшу въ нужное-ненужное мѣсто пергонялъ, — только тебѣ и дѣловъ было.. а изъ-за тебя теперь всѣмъ конецъ! Уйди — мышьякомъ затравлю-засыплю!

Ну, бѣ-жать! Къ кому ни ходилъ — всѣ лаютъ: попы лаютъ, купцы лаютъ... Къ слесалю толконулся, который ему апараты-то перегонные чинилъ, — а тотъ:

— Черезъ тебя, окаяннаго, подыхаемъ! Всѣ теперь апараты безъ дѣйствія холостуютъ, всѣ припасы черезъ кишку свою перегналъ, — безъ работы остались!

Да трубой-то его, свинцовкой... Что ты тутъ будешь дѣлать!

Пошелъ баринъ по улицамъ ходить: дома-то въ уголку сидѣть невесело. Глядитъ—чисто какъ свѣта представленіе! Въ заведеніи-то приличномъ, за стеклами, гдѣ щиколадами, бывалыча, угощались, — одни-то разъединые тараканы дохлые на спинкахъ по столикамъ валяются, а за окошкомъ-то, гдѣ сладкіе крендельки лежали, — мышій пометъ насыпанъ. Постоялъ-постоялъ веселый баринъ, — вотъ те и крендельки! Пошелъ на Кузнецкій Мостъ, а тамъ и моста-то никакого нѣту, — грязь да лужи, — никакого причалу нѣтъ!

Эхъ, — думаетъ, — зайду хочь пообѣдать напослѣдокъ! — ну, мелочишки у него было, — а то всѣ кишки подвело. Подошелъ къ знакомому ресторану, гдѣ, бывалыча, рябчиками занимался, — заколочено, чисто гробъ! Въ слезы, прямо! Глядь — поваренокъ-паршивецъ изъ воротъ выскочилъ да кипяткомъ-то помойнымъ подъ ноги ему — хлясь!

— А не подвертывайся, — кричитъ, — ворона!

Тутъ ужъ, понятно, не до обиды. Сталъ его баринъ честью просить:

— Нельзя ли, — говоритъ, — дорогой товарищъ, хотя бы соляночки тамъ, простецкой какой... али хоть коклетку горѣлую какую раздостать, очень у меня кишка доходитъ... да водчонки бы рюмочку...

А поваренокъ-паршивецъ ему:

— Да ай ты, дуракъ, заспался?! Да мы сколько ужъ денъ какъ поприкрывались! Воронъ шпаримъ да собачину жаримъ. А по ночамъ у насъ только цари-короли пируютъ, остатнее допиваютъ.

Да какъ заверещитъ... — призналъ!

— Да никакъ ты самый и есть, веселый баринъ, кишка луженая?!!... Такъ это изъ-за тебя воронъ-то шпарю да собачину жарю?! Уйди, чорть, сейчасъ кипяткомъ зашпарю!..

Ну, бѣ-да! Ходилъ-ходилъ, — некуда притулиться. Опять на квартиру свою присталъ: сиди — посвистывай! Только, понятно, ужъ не до свисту. А тутъ другъ-пріятель, — въ кабинетѣ его квартиру держитъ:

— Что, рвань коричневая, досвистался?! Давно бы тебѣ кишку укоротить слѣдовало, сколько добра черезъ ее пропустилъ! Черезъ тебя и намъ теперь пообѣдать негдѣ. Да ужъ, чортъ съ тобой, поквитаюсь за угощеніе, скажу... Уноси ноги лучше, а то цари-короли на мушку взять тебя собираются, все такихъ безработныхъ ищутъ!

Баринъ и прояснѣлъ маленько.

— Да ужли, — говоритъ, — возьмутъ?! Ежели служба хорошая, я непрочь... А какое жалованье положатъ?

Да какъ расчухалъ... — схватилъ часы золотые, — были у него часы золотые, за плинтусомъ хоронились, — да бѣжать! Одну ночь подъ мостомъ перночуетъ, другую въ канавѣ гдѣ проваляется, — самая-то собачья жизнь, а все умирать не хочется. Весь промѣнялся — оборвался, одни опорки. Спасибо, время было ужъ лѣтнее. А часы все про запасъ держитъ: можетъ, думаетъ, опять какое превращеніе выйдетъ, тогда съ этими часами опять капиталы наживу. Схожу-ка, — думаетъ, — къ мужикамъ на огороды!

Ну, приходитъ за городъ, на огороды... — картошку

баба копаетъ. Усы закрутилъ да эдакъ, пѣтушкомъ, къ ней:

— Пустите, сдѣлайте милость... хочь картошечки пожевать...

Ну, та его и пу-стила!

— Я, — гыть, — тебѣ та-кой картошечки...!

А баринъ-то ужъ давно усмирился, съ голодухи-то, — ужъ не гордый.

— Я, — говоритъ, — не зря, я, — грытъ, — помочь желаю... Я честный трудъ очень теперь уважаю... заработать хочу на свой паекъ.

А та его, конечно, признала.

— Что-о... — говоритъ, — ай ужъ кишка-то пошабашила? Ну, да что съ тебя взять... копай мнѣ картошку, пригоршню дамъ.

Обрадовался баринъ, — ну, копать! Опять — никакого струменту нѣтъ...

— Мнѣ бы хочь вилочки какія дали... неспособно такъ-то...

— Энъ, чего выдумалъ — ви-лочки! Всѣ вилочки цари-короли побрали, хоть рыломъ рой!

Ну, руками сталъ. Рылъ-рылъ — всѣ себѣ ногти обломалъ, въ кровь. Плюнулъ — осерчалъ:

— Это, — говоритъ, — издѣвательство надъ человѣкомъ! Да лучше, — говоритъ, — съ голоду подохну, не сдамся!

— Ну, — говоритъ баба, — и подыхай! Хужей мы тебя, что ль! Сами своими гребками роемъ!

Легъ баринъ на навозъ, на солнышко, и сталъ своей смерти дожидаться. Лежитъ и про часы думаетъ: ай загнать? Нѣтъ!

— Нѣтъ, — говоритъ, — не отступлюсь. Покуда золотые часы при себѣ, все на человѣка похожъ, на благороднаго. Достоинство свое соблюду. А помру... —всетаки знакъ будетъ, что вотъ молъ честною смертью, при часахъ померъ, не отступился, не сволота какая. Ни за что не отступлюсь!

Лежитъ день, лежитъ другой — смерти все дожидается, зубы затиснулъ. А баба свою картошку копаетъ. Лежитъ баринъ, сплевываетъ-тошнитъ, — вотъ кишка у него и запѣла, — слышитъ:

— — — бурр... жжжуййй... бурррр... жжжуйййй...

Да такъ подвело подъ душу — никакой мочи нѣтъ: бѣлугой заревѣлъ баринъ. А баба копаетъ да копаетъ, про свое разбираетъ:

— Вишь, буржуй запорный какой! дохнетъ, а форсу все не сдаетъ, не отступается. Ладно, меня не прожалобишь, хочь подохни. Другіе вонъ покоряются... хочь сгадаютъ чего людямъ, коли работать не умѣютъ, а энтотъ боровъ... — только бока грѣетъ! Да дохни! А еще образо-ванный...

А баринъ выставилъ голову и спрашиваетъ;

— Это вы чего говорите — сгадаютъ?

— Чего-чего... махонькій, что ли... не понимаетъ! Да про судьбу! Долго ли цари-то — короли будутъ? Можетъ чего сгадаешь... картошки дамъ!

Вотъ баринъ и принялся сгадывать. Гадалъ-гадалъ — сгадать ничего не можетъ.

— Не могу,—говоритъ,—безъ пишши, затошшалъ.. а то бы я..!

— Ну, и выходишь ты — кишка луженая! — баба та ему. — На бабѣ думаешь проѣхаться... Ну, на чего ты сгоденъ? бабѣ и той помочь не можешь. Ужотко сама пойду, которые умные люди сказывали... болѣ, будто, ста верстъ отседа, колдунъ-чародѣй въ башнѣ сидитъ, судьбу разгадываетъ. Только доступиться до него трудно, слово къ нему знать надо, фамилію... Мартыномъ звать-то, а вотъ про фамилію не сказываютъ, дознать не могутъ. Мнѣ намедни дьячокъ брехалъ. Можетъ ты чего знаешь?..

Потеръ себѣ баринъ лобъ, теръ-теръ...

— Да,—говоритъ,—я знаю. Мартынъ... Мартынъ... Мартынъ?!

— Ну, Мартынъ! Ничего ты не знаешь...

— Знаю! Мартынъ... Мартынъ... Знаю! Мартынъ-Задека!! Да ужли жъ, — говоритъ, — онъ живъ?! Самъ пойду къ нему, поспрошаю!

— Стало быть живъ, коли говорятъ знающіе! И сколько къ ему народу, будто, ходили, да чтой-то никто вотъ назадъ-то не ворочается!.. Можетъ, доступиться никакъ не могутъ?.. А онъ, будто, все какъ есть знаетъ про судьбу!

— А я доступлюсь! — говоритъ баринъ, повеселѣлъ. — Я теперь такой отчаянный... И всю тебѣ судьбу сгадаю... картошечки бы мнѣ только, а то у меня и силъ нѣтъ.

Ну, накормила его баба картошкой, укрѣпила... — пошелъ баринъ того чиродѣя достигать. Шелъ-шелъ — никто ничего не знаетъ. Сгадывается такъ, что должонъ быть чиродѣй, а можетъ и укрывается до времени, не желаетъ. Дальше да дальше посылаютъ, а куда — неизвѣстно. Болѣ тыщи верстъ прошелъ баринъ, по такимъ дремамъ-чащамъ продирался, что до кожи оборвался, а отступиться никакъ не хочетъ: самолюбіе ужъ забрало. Травкой одной питался, затошшалъ... И приходитъ вовсе въ незнакомое мѣсто, никакихъ людей ужъ не встрѣвается, — одна сосна. Видитъ — гора высокая, одинъ камень, а на горѣ крутая башня стоитъ, какъ столбъ. Ну, забоялся. Ужъ къ ночи было, а огоньку не видать нигдѣ. Ну, конечно, къ нему неизвѣстный старикъ выходитъ изъ дремучихъ лѣсовъ, въ родѣ какъ пустынникъ. Баринъ за его и прицѣпился: скажите да скажите! А тотъ нѣмой, будто. Ну, разжалобилъ его баринъ... слезами взялъ. Вотъ тотъ старикъ и говоритъ:

— Не тебя, дурака, жалѣючи, а православнаго народа... Но только изъ этого ничего не выдетъ, черезъ тебѣ не произойдетъ.

— Я — говоритъ баринъ — хочь попробую. — Вы мнѣ укажьте, гдѣ мнѣ тутъ Мартына-Задеку найтить... Я не отступлюсь...

— Ну, разъ вы такъ желаете, на свою судьбу идете, можете итить. Самая эта башня, на горкѣ, самый Мартынъ Задека живетъ. А не боишься?

— Я теперь страсть отчаянный, — баринъ ему. — Мнѣ теперь ничего не страшно. Мнѣ подвигъ нуженъ! На навозѣ помиралъ — и то не страшно.

— Ну, — говоритъ, — въ такомъ случаѣ мо-жете! Такая ваша судьба.

Ужъ до точки человѣкъ дошелъ... что ему?! Всходитъ баринъ на ту гору, взлѣзаетъ на башню... — собаки огромадныя на его кинулись, рвать! Завизжалъ, понятно. А тутъ самый онъ, Мартынъ, стало быть, Задека и заявляется. Чисто вотъ старикъ тотъ! Обернулся, значитъ.

— Давно тебя, говоритъ, — дожидаюсь. Пожалуйте. И не вижу, а вижу!

Какое слово сказалъ! Ну, прямо, — голова! Вовсе слѣпой, вродѣ какъ чиродѣй, — въ огромадномъ колпакѣ, въ халатѣ, носъ крюкомъ, борода до пуза.

Такъ баринъ и затресся. А тотъ ему свое да свое, пужаетъ:

— И не вижу, а вижу!

Значитъ, такой у него разговоръ непонятный, —чиро дѣй, потому!

Глядитъ баринъ — огромадная труба наставлена, въ небо чтобы глядѣть, въ планиды, — и книга чернокнижная, огромадная, съ дверь будетъ. И свѣчи горятъ, черныя-расчерныя, огромадныя, и черепья человѣчьи лежатъ — страсть! Лягушки тоже огромадныя по угламъ лупятся, и энтотъ, понятно... ну, какъ полагается, огромадный котище, весь черный, глазища зеленые, — лоп-лоп! — страшенный!

— Садитесь, — говоритъ. — Я, — говоритъ, — вамъ сейчасъ пропишу рицепъ! Давно тебя поджидаю.

— Я, стало быть, къ вамъ по важному дѣлу... нащотъ судьбы...

А тотъ на него какъ кинется!

— Часы... тудыт-растудыть!

Баринъ ему — пожалуйте! Покорился.

— Ну, — говорить, — счастливъ ты, что часы при тебѣ остались. А то бы, говорить, — только тебѣ и мѣста — собакамъ тебя стравить! Себя еще поддержать можешь, могу еще съ тобой разговоръ имѣть. Можетъ, чего изъ тебя и будетъ.

Взялъ отъ него часы — и на стѣнку. Глядитъ баринъ — полна у него стѣна часовъ, — и золотые, и серебреные... ну, золотыхъ больше, — чисто вотъ звѣздъ на небѣ, навѣшано. И спрашиваетъ:

— Это для чего же часовъ-то у васъ сколько?

— А сколько дураковъ — столько и часовъ. Вотъ теперь однимъ больше стало. А не желаете съ часиками разстаться — можете уходить, мнѣ ваши часы безъ надобности. Но только, — говоритъ, — смотрите!

Ну, податься некуда, — сдался.

— Скажите, какое моей судьбы рѣшенье!

— А вотъ погодите, сейчасъ узнаете. Труба докажетъ.

И опять свое да свое:

— И не вижу, а вижу!

Въ трубу, на небо, и уставился. А котъ въ ногахъ крутится, мурлычитъ, хвостомъ цѣпляетъ, сгорбатился, — фыркъ да циркъ! Барина жуть взяла. Сидитъ — дрожитъ.

— Ага! — кричитъ чиродѣй, — теперь мнѣ доподлинно все извѣстно! Такъ это ты самъ и есь, кишка луженая?! веселый баринъ?!!

Ну, признался: податься некуда.

— Искалъ своего — дождался. Поддержись!

Да кэ-екъ его трубой по башкѣ царапнетъ — готовъ!

Сейчасъ брюхо ему вспоролъ, всѣ кишки-черева выпустилъ — прямо, ахнулъ: триста аршинъ кишки! Отмоталъ-отсчиталъ аршинчикомъ — чикъ! Ну, оста-

вилъ, сколько по правдѣ-закону полагается, зашилъ, дунулъ-плюнулъ...

— Вставайте!

Поднялся баринъ, глядитъ — пузо-то какъ мѣшокъ пустой, обвисло.

— Что-то мнѣ, — говоритъ, — какъ хорошо-легко стало?! даже удивительно, будто и не я самый.

А Мартынъ-Задека ему и давай:

— Отъ твоей-то кишки луженой все трясеніе и вышло! Столько ты безъ пути всякаго припасу въ одно мѣсто нужное-ненужное перегналъ, что земновѣсіе измѣнилось, чужая планида и причалила. А на той планидѣ самые цари-короли и проживали! И такъ ты свисталъ отчаянно, что цари-короли услыхали да — рразъ! — и здѣсь. А глазища у нихъ жадные да завидущіе, въ каждомъ по тыщѣ глазъ! Васъ такихъ дураковъ и всего-то на всей землѣ тыща-другая наберется, а имъ милліоны видѣлись! И капиталовъ-то у васъ, дармоѣдовъ, супротивъ всего народа совсѣмъ пустякъ, а имъ милліарды представлялись! Вотъ они и скакнули, да только прошиблись здорово, скоро и имъ-то самимъ несладко будетъ, опять на свою планиду перестегнуть, — мнѣ все въ трубу видать явственно, опять планида подходитъ близко...

— Ну, а по времю-то какъ выходитъ?.... — баринъ чиродѣя пытаетъ.

— А вотъ погоди, увидишь. А часы потому отбираю, что они вамъ, дуракамъ, безъ надобности: придетъ время — кому поумнѣй назначу. А вамъ — что часы, что нѣтъ, — свистали безо времени. Видалъ?

Да фигу къ носу!

— Не имѣете права! Отдайте мои часы... я, можетъ, еще, — говоритъ, — расторгуюсь...

— Да ты еще разговариваешь?! — какъ крикнетъ.

Топнулъ-хлопнулъ, — сейчасъ его слуги-арапы да собаки... барина подъ уздцы да въ казематъ, — подвалъ огромадный, черный!

— Время ему понадобилось теперь! — кричитъ. — На десятокъ его годовъ! И мышами его кормить! Можетъ еще и поумнѣетъ.

Поволокли его въ подвалъ, а баринъ про себя думаетъ,—ну, ежели десять годковъ,—перетерплю. Хошь и мышами, а все лучше, чѣмъ ничего. А то всѣ кишки скрутило.

А чиродѣй сейчасъ его подъ печать — и замкнулъ веселаго барина на замокъ, до срока.

Сидитъ покуда.

Алушта, октябрь 1919 г.

ВСЕМОГА

Сказка

Служилъ матросъ вѣрой и правдой, — отечество защищалъ, порцію водки получалъ исправно, всѣ моря-окіяны изъѣздилъ, свѣтъ повидалъ, — да вдругъ заскучалъ и заскучалъ.

А звали его — Всемога.

Бывало, крикнетъ начальство:

— Эй, Всемога! Пластырь подъ корабль подводи!

А Всемога ужъ изъ-подъ воды кричитъ:

— Есть, ваше благородіе!

И ужъ сталъ срокъ ему подходить — службу свою кончать и въ швицары, въ банкъ куда опредѣлиться, — очень фигурой вышелъ! — а онъ возьми да и заскучай. Сталъ раздумывать, то да се...

— Все-то я знаю, все-то я умѣю... И ватерпасы знаю, и винилировку знаю... вострономію — и ту умѣю! А всей мнѣ цѣны — въ швицары! Сволотѣ всякой зеркальныя двери отворять да пятаки огребать? Ну, на это дѣло пущай поглупѣй меня найдутся!

Скучалъ-скучалъ, душу свою разстраивалъ, и до того распалился, что хочь забастовку дѣлай. А ужъ какъ человѣкъ разстроился, — тутъ-то бѣсу самая сласть и есть.

Вотъ разъ, ночнымъ дѣломъ, стоитъ Всемога на вахтѣ и про свое все раздумываетъ:

— Все-то я знаю, все-то я умѣю... И витерпасы знаю, и въ арихметику умѣю... а за все про все выходить мнѣ — одинъ питялтынный! Вотъ тебѣ и пра-вда!

А ему подъ ухо, будто съ вѣтру:

— А по витерпасу-то тебѣ за кажное слово рупь полагается!

Поглядѣлъ Всемога — нѣтъ никого! Чернымъ-то — черно: ночь да море. Опять про свое сталъ думать:

— А что... и вѣрно! никакъ не меньше... Ну, гляди на дѣло: и за командира могу, и за адмирала могу... за всякаго могу! ей-богу!..

А ему опять — въ ухо:

— А ты, Всемога, меня поминай, а не Бога!

Глядитъ Всемога — кой чортъ?! Приглядѣлся — и видитъ: сидитъ на цѣпяхъ — на якоряхъ черный, а ни то сѣрый, — не разберешь. Ну, жуть. Ночь, понятно. И спрашиваетъ, съ опаской:

— Что за чортъ?!..

А сѣрый и отозвался:

— Самый и есть онъ, бѣсъ! Вознесу тебя, Всемога, до небесъ! Желаешь?

Сплюнулъ Всемога и заподрился, — матросъ, понятно: всякіе видалъ страхи.

— Ахъ, ты, — говоритъ, — матери твоей... бѣсъ?! А ты какъ на нашъ корабль влѣзъ? Тутъ тебѣ по штату не полагается!...

По службѣ, значитъ, сказать обязанъ, по уставу: потому — вахта, не полагается.

А тотъ на свое все ткетъ:

— Мнѣ, — говоритъ, — по моему праву навсягды быть полагается.

— Это по какому — такому пра-ву? — Всемога-то ему. — Я всѣ права-законы понимаю, да самой точки! И въ арихметику понимаю, и витерпасы умѣю...

— Потому ты — Все-мо-га! — бѣсъ-то ему натачиваетъ. — Весь свѣтъ можешь перетрясти — ба-альшіе капиталы пріобрѣсти! А тебя въ банкъ, въ шви-

цары! Да въ швицары-то кажный швицарецъ можетъ!

Обрадовался Всемога — повеселѣлъ. И спрашиваетъ:

— Ужли могу и такое — весь свѣтъ перетрясти, всѣ ихніе капиталы пріобрѣсти?! За-нятно бы... Ну, а въ дѣло-то какъ преизвести?

Тутъ у нихъ и пошла бесѣда. Учалъ его бѣсъ тачать:

— Да плевое вовсе дѣло! Только и всего, что плечами наподдавай, мозгами пошевеливай!

— Есть! — говоритъ Всемога. — Струментъ имѣется!

А плечи у него бы-ли... — никакія ворота не устоятъ!

— Какіе твои планты — доказывай!

— Планты будутъ. А за науку — ужъ какъ полагается... — бѣсъ-то ему лукавитъ. — Первымъ дѣломъ... — *Его* сымай, на шеѣ чего мотается!

Свое, значитъ, дѣло понимаетъ.

— Есть! — говоритъ Всемога, и — рразъ!

Сорвалъ съ себѣ крестъ да — въ воду! И сталъ, прямо, отчаянный.

— Чего — кричитъ — зря трепаться! Сказывай про свои планты, въ самую точку гни!

А бѣсъ, понятно, въ ухи ему свое заливаетъ:

— Есть у тебя, Всемога, товарецъ... зря валяется, промежъ требухи болтается. Тебѣ безъ надобности, а мнѣ, гляди, хочь на подметки сгодится. Душу подъ меня подпиши!

Ку-да загнулъ!

А Всемога ужъ до самой отчаянности дошелъ, планты-то узнать охота.

— Есть! — кричитъ. — На кой она мнѣ, душа-то? Попамъ на счастье? Безъ ее куды легше! Не желаю никакому чорту служить, желаю въ полное свое удовольствіе пожить!

А бѣсу того и нужно.

— А теперь только меня слушай! — и давай ему въ ухи планты нашептывать. — Стало быть, варимъ кашу!

А Всемога распалился... — не пердохнетъ. Одно и одно, — ругается:

— Ахъ, дьявола... вашу..!...

Пошепталъ-покрутилъ бѣсъ и — въ воду, скинулся.

И началъ тутъ Всемога дѣйствовать.

Начальство прекратилъ, корабь утопилъ, а самъ на берегъ отчалилъ и давай плечами наподдавать, мозгами пошевеливать. Шевелилъ да наподдавалъ, — и стало у него богатство несмѣтное. Такъ и сверкаетъ! На рукахъ кольца, на рукахъ — на ногахъ браслеты, по три пары часовъ носитъ, золотые-серебреные, полны карманы серебра-золота, хочь въ собакъ швыряй. Отъ дѣвокъ — отъ бабъ отбою нѣту, всякое удовольствіе. Ходитъ — зыкаетъ, чуть что — въ морду левонверомъ тыкаетъ-оретъ:

— Я таперь все-о могу!.. И въ генералы могу, и въ адмиралы могу, и во министры могу, и въ анжинеры могу... за дохтура могу... въ испехторы могу!... Проси у менѣ, чего кто желаетъ!..

Ходитъ-хороводитъ — жуть. Города красными флагами его встрѣчаютъ, по деревнямъ собаки отъ него шарахаются, — а то пристрѣлитъ! Ужъ на что желѣзные поѣзда, а и тѣ изъ уваженія останавливаются. Фабрики-заводы и дымить опасаются — не дыхнуть, потому — кто е знаетъ? И такимъ манеромъ такихъ чудесъ натворилъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Все-мо-га!

Вотъ и заходитъ разъ, у моря на берегу, въ одну харчевню. А въ той харчевнѣ женщина одна бѣдная соленой водицей торговала, а на-заѣдочку корочку подавала. Заходитъ, стало быть, Всемога въ эту самую харчевню и зычитъ:

— Эй, ты, голова курячья... трравн! Становь —

подавай мнѣ счасъ жаренаго гуся съ кашей! сей-минуть! Чтобъ сталъ передо мной, какъ листъ передъ травой!

Ну, женщина напужалась, понятно, и говоритъ ему вѣжливо:

— И вовсе мы люди бѣдные, еле живы... Ну, какіе у меня гуси?!

А тотъ знать ничего не желаетъ — куражится:

— Дисци-плину мою не почитаешь?... такая-растакая!... Счасъ гуся подавай, а ни то — на мушку! У менѣ разговоръ короткій! Ай не знаешь, чего видаешь?! Да я жъ Все-мо-га! По всѣмъ морямъ-окіянамъ плавалъ, весь свѣтъ преизошелъ! Самаго что ни есть жирнаго подавай, со всѣми потрохами!

И ни слова не говоря, изъ кармана на столъ — бутылку. Стало-ть, на якорь сталъ. Что ты тутъ будешь дѣлать!

— Желаю, — говоритъ, у тебѣ въ хибарѣ выпить-закусить, вниманіе тебѣ доказать! Очень, говоритъ, я бѣдныхъ почитаю-уважаю!

Разстроилъ, понятно, женщину. Съ голоду, прямо, подыхаютъ. Ну, и взяло ее за сердце отъ такого разговору:

— Были и у насъ гуси, какъ ты по морямъ плавалъ... — женщина-то ему, — а какъ на сухопутье опредѣлился, всѣ гуси за море улетѣли. Остались... слезы однѣ соленыя... Какъ мужа моего по твоему указу убили, — уваженія тебѣ не сдѣлалъ... — послѣднюю рубаху его продали. Мнѣ, — говоритъ, — теперь съ дѣтями одинъ конецъ: головой да въ воду!..

А Всемога ужъ изъ бутылки дернулъ, — закуски обязательно требуется. Какъ хватитъ по столу куламъ!

— Ахъ ты, баба глупая-нитилигентая! — кричитъ-разоряется: — какъ ты такъ можешь, со мной бунтуешь, дисциплины не признаешь?! Ай не знаешь, чего я съ тобой могу исдѣлать?

— А чего ты со мной исдѣлаешь хужей смерти? — женщина-то ему, ужъ не боится.

А тотъ — никакихъ резоновъ!

— Я все могу! Вотъ тебѣ послѣднiй мой срокъ-урокъ: черезъ пять чтобы минутъ, а гусь чтобъ сюда... на рейдъ ко мнѣ выплылъ съ кашей! И каши чтобы на немъ — горой! А не то я та-а-кое исдѣлаю!...

— Ай ты сбѣсился?! — женщина та ему. — Человѣчьяго разговору ужъ не понимаешь? Да ежели его нѣту, гуся-то?!

— Какъ-такъ, нѣту?! Хлопну-топну — тыщши у меня гусей будутъ! Да я жъ Все-мо-га!

— А ежели ты Всемога, — женщина-то ему, — ты бы намъ хошь по кусочку хлѣбушка мяконькова опредѣлилъ, съ дѣвчонкой! Который ужъ день корочки не видимъ, сольцу ѣдимъ...

— Энъ чего захотѣла — хлѣ-ба! Будя съ тебя и со-ли! — значитъ, куражится.

Ну, тутъ женщина, понятно, и разстроилась:

— Сталоть, на хлѣбушка-то у тебя и власти нѣтъ!

Какъ Всемога кулакомъ по столу ахнетъ — такъ всѣ чашки-миски по полкамъ и заплясали.

— У менѣ... вла-сти нѣту?!

А та ужъ и себя не помнитъ, свое да свое:

— Вотъ и выходитъ, что нѣту!

А тутъ дѣвчоночка ейная, крохочная, младеньчикъ, и елозитъ по полу, рубашонка на задочекъ задрана... Подобралась тѣмъ дѣломъ до него, до Всемоги-то, да за ногу его, за сапогъ-то ясный, и уцопила. Лопочетъ свое: ца-ца.. — стало быть, хлѣбца проситъ, пузырики по губамъ пускаетъ, слюньки...

— У менѣ вла-сти нѣтъ?! — Всемога-то, глазищи, прямо, кровью зашлись.

Да какъ ухватитъ дѣвчоночку ту за ножки да головенкой-то объ косякъ, — такъ молочкомъ и брызнуло!

— Вотъ тебѣ моя власть!!...

Вытянулъ изъ бутылки до-дну и пошелъ на волю. Идетъ и оретъ:

— Я все могу!... И витерпасы могу, и въ генералы могу, и въ министры могу... Кто чего супротивъ менѣ можетъ?! Я — кричитъ — Всемога, недалече мнѣ до Бога!

Вотъ, до чего дошелъ! А мальчишки за нимъ, понятно, — кричатъ-балуютъ:

— Всемога-Всемога, дай копѣечку! Всемога-Всемога, недалече тебѣ до Бога?...

— Я все-о могу!.. И по морю могу, и по небу могу..!

А дождь большой былъ, кончился, — и надъ моремъ, по небу-то, громадная радуга перекинулась, прямо — дуга-ворота. А тутъ одинъ мальчишка вострый — умнѣй его во всемъ городѣ не было, прачкинъ сынъ, — подкатился Всемогѣ подъ ноги и кричитъ:

— Всемога-Всемога, колечко дай!

А Всемога ему кулачище выставилъ и даетъ:

— На-кась, вы-куси!..

А мальчишка не унимается:

— Такое-то колечко и у меня недалечко! А ты мнѣ эвона какое колечко дай!

Да на радугу-то и покажи!

Глянулъ Всемога на радугу — уперся. Смотрѣлъ-смотрѣлъ, какъ баранъ на воду, да какъ пуститъ въ ее... такимъ, нехорошимъ словомъ!...

И пошелъ. Идетъ да свое оретъ:

— Я все-о могу-у!... И гусей могу, и лебедей могу, и кашу могу... Я Все-мога... всего у менѣ много.. плевать мнѣ на.. чорта и на Бога!..

А ужъ и ночь, темно. А онъ идетъ и оретъ, — вотъ что сказалъ-то, про Бога... И вдругъ ему, будто вѣтромъ:

— Стой! къ раздѣлкѣ теперь, Всемога! — да такъ, будто по головѣ коломъ!

Уперся Всемога — нѣтъ ему дальше ходу. А чер-

но-та!.. И слышить — подъ ногами, будто, скрипить кто-то, шипить-скрипить:

— Сроки дошли, Всемога. Поиграли — будя. Давай *мое*, чего уговорено, на подметки!

Вглядѣлся Всемога — самый *онъ*, бѣсъ! Стоитъ передъ нимъ столбомъ, красныя губы облизываетъ, огневыя, зубами щелкаетъ. Черный, ни то сѣрый, — не разберешь. Тутъ Всемогѣ—будто въ душу ударило: большое что-то да таково страшное показалось, — ахнулъ! Размахнулся, что было силы, да какъ на *того* гукнетъ, да головой.. да съ яру-то въ прорву самую, въ чернотищу-то, да объ камни...

Поутру нашли — видятъ: сапоги съ подковками изъ воды торчать, а самая голова — въ морѣ пьетъ.

Напился, понятно, вдосталь.

Октябрь 1919 г.
Алушта

ИНОРОДНОЕ ТѢЛО

Сказка

Жила въ городѣ Городищѣ вдова-мѣщанка, — на торгъ калачи пекла.

Капиталовъ отъ калачей не наживешь, понятно; вотъ и Матрена Ивановна: жила не то, чтобы небогато, а особой нужды не знала. И домишко, и добришко было, какъ человѣку полагается. Съ Ванюшкой послѣ покойника осталась — не прожилась, а кое-чего еще и прикопила. Да и парнишка, — въ ее пошелъ, смекалистый: то муки на калачи дешевле сосѣдей купить, то баранокъ какихъ — сахарныхъ тамъ, — навертитъ... — дѣло-то и идетъ.

Пошла Матрена Ивановна распространяться. И лошадку прикупила — калачи на базаръ возить, и то — и се... Стали ужъ сосѣди поглядывать, затылки почесывать:

— Во, взялась! Эдакъ она и насъ накроетъ. Какъ, бывало, пужалъ покойникъ... какую выпужалъ!....

А Ванюшка хоть по дѣлу и дошлый былъ, а въ послушанiи у матери находился: всей ему и дороги было, что въ торгъ да въ церкву. Отецъ Семенъ, бывало, удивляется:

— Смотрю, Матрена Ивановна, на сынка вашего... — овца и овца! Табачкомъ бы только не забаловался или... не дай Богъ, задумываться начнетъ... — ужъ больно тихъ!...

— Тьфу-тьфу... Ужъ такъ-то смирёнъ-смирёнъ... — те-ленокъ! Ай гармошку ему купить? тихъ-то больно...?

— Ну что-жъ... купите, Матрена Ивановна, гармошку. Музыка... она отъ мыслей отводить будетъ.

Словомъ, жили — Господа-Бога благодарили.

Вотъ разъ повезъ Ванюшка калачи-баранки на торгъ, а сосѣдъ ихній, Карла Иванычъ, — въ Городищѣ маковыми кренделями торговалъ, — къ воротамъ вышелъ и говоритъ:

— Базаръ да рынокъ! А ты чего-жъ это, Ванюшка, конпанію-то разстраиваешь, маковы кренделя вертѣть пустился?...

— А что-жъ, — говоритъ Ванюшка, — мухъ ловить? Эка невидаль — кренделя! Я, годи, ужотка и аглицкаго печенья напеку, всее Городище пряниками засыплю.

Ну, дѣ-ляга! А какъ ему съ торгу ворочаться — Карла Иванычъ опять у воротъ стоитъ.

— Отторговамшись! — кричитъ. — Пивка бы, что ли, когда завернулъ распить, въ шашки поиграть... Больно парень ты антиресный. Одному-то , чать, скушно?...

— Скушно не скушно, а что-жъ... мо-жно. Въ праздникъ ужо приду.

Порадовалась Матрена Ивановна — уваженіе-то какое ея Ванюшкѣ! Карла-то Иванычъ очень солидный былъ, при капиталахъ.

— Сходи, Ванюшка. Можетъ и какое развитіе получишь. Носомъ-то ужъ не шмыгай, нехорошо...

Ладно. Вотъ, въ праздникъ, послѣ обѣдни, чайку попилъ, пирожка поѣлъ — и въ гости. Сапоги новые надѣлъ, со скрипомъ.

Угостилъ Карла Иванычъ Ванюшку пивкомъ-кофейкомъ, въ шашки поиграли, — и говоритъ:

— Ужъ и голова ты, парень, — не нагляжусь!

Съ зари до зари ломишь. Много, чать, жалованья получаешь?...

— Ничего не получаю. Кладетъ мать въ сундукъ — въ укладку, помретъ — все мнѣ пойдетъ.

— Такъ-то оно такъ... — Карла-то Иванычъ ему, — да всякое бываетъ. Женскій полъ... Можетъ куда и на сторону кидаетъ... Въ книжкахъ-то какіе романы про бабъ бываютъ!...

А пивка своимъ чередомъ подливаетъ.

— Такого не должно быть... -- говоритъ Ванюшка. — Она грѣха не любитъ.

— Грѣхъ-то въ орѣхъ, а... можетъ, она въ кого и пхаетъ?...

— Да въ кого ей пхать-то?...

— Былъ слушокъ... Допрежде, будто, съ Подгородищевымъ бариномъ у ней было... А тебѣ и лаковы сапоги не купитъ! Другіе вонъ на вильсипедахъ катаются, а который трудящій... Вотъ ты ее вильсипедомъ и пощупай, — скажется!

И растревожилъ. Пришелъ Ванюшка домой — не смотритъ. Матрена Ивановна его пытаетъ, какъ погулялъ, а онъ завалился на койку — ни слова.

— Да ай тебя тамъ обидѣли? ты скажи...

— И скажу! — говоритъ Ванюшка. — Съ зари до зари ломаю, а мнѣ и лаковыхъ сапоговъ нѣтъ?! Въ кого тебѣ деньги садить окромя меня?..

Такъ Матрена Ивановна и обомлѣла.

— Ай ты сдурѣлъ! — кричитъ. — Для тебя, глупаго, и коплю. Помру — все оставлю.

— Зна-емъ мы эти пѣсни! Желаю лаковы сапоги — и все! И на вильсипедѣ гулять мнѣ чтобы...

Ахнула, какъ, про вильсипедъ услыхала:

— Голову-то сломитъ?!... Да ни въ жисъ! Сапоги я тебѣ куплю, ладно, а на вилисипеды у меня денегъ нѣту!...

— Нѣ-ту?! Ладно.

Пришло время тѣсто мѣсить, баранки вертѣть, а Ванюшка лежитъ — въ потолокъ уперся.

— Чего-жъ ты это бока-то належиваешь? — Матрена Ивановна-то ему...—Время тѣсто мять, калачи-баранки вертѣть...

А Ванюшка — не желаю, можете вертѣть сами! Она — и такъ, и сякъ, — нѣтъ! Сама принялась вертѣть-мять, хоть и трудно: женщина-то ужъ не молодая. Пошла къ батюшкѣ посовѣтоваться, что дѣлать?

— И-и-ни-ни... и не покупайте! — батюшка-то ей. — Чего надумалъ, вилисипедъ! И себѣ голову ссодить, да еще и кого подшибетъ, — съ судами не развяжешься. Лучше ужъ гармонью ему купите. Музыка... она сердце умягчаетъ. А вилисипедъ... ни подъ какимъ видомъ!...

Воротилась Матрена Ивановна съ торгу и плачется:

— И изъ головы выкинь... Гармонью тебѣ куплю, и лаковы сапоги можно, а этотъ.... и не думай!... Нонче и выручки-то всего ничего. Тѣсто-то какъ съ горохомъ, покупатели обижаются.

— Ну, ладно. Хочь гармонью...

Опять за работу всталъ. А Карла Иванычъ, понятно, свое ведетъ. Встрѣлся и говоритъ:

— А вильсипеда-то не купила! Ну, я тебѣ удовольствіе окажу. Приходи, по саду на вильсипедѣ покатаешься, Маркушка-племянникъ ко мнѣ пріѣхалъ, — ума палата!

И зачалъ Ванюшка къ ему ходить — пивкомъ баловаться, съ племянникомъ разговаривать, на вильсипедѣ кататься. А домой пришелъ — волкъ-волкомъ. На мать зыкаетъ — то не такъ, другое не такъ, положь ему жалованье настоящее да вильсипедъ чтобы безпремѣнно...

Билась-билась Матрена Ивановна — бунтуетъ. И торговлишка падаетъ, и въ дому непорядокъ, — голову потеряла. Пошла къ отцу Семену.

— Ни подъ какимъ видомъ не уступайте! И отъ дѣла отобьется — завертится, и... Вонъ у господъ Еремушкиныхъ... купили такъ-то вилисипедъ, а сынокъ-то всѣ науки забросилъ, на вильсипедѣ крутится... а потомъ и за водочку принялся, и...—на ухо пошепталъ, — съ го-рничной спутался, та-кой скандалъ!.. Купите ужъ лучше ему... часы серебреные. Время... оно къ порядку пріучаетъ. Или книгу какую, душеполезную... хоть про Рибинзона... Все духъ-то ему поддержитъ. Завлекательная исторія, про пупугая...

Вотъ Матрена Ивановна и говоритъ Ванюшкѣ:

— Куплю я тебѣ, глупому, часы серебреные... хочешь? И этого еще... вотъ на записочкѣ батюшка написалъ, Карбинзона. Антиресно очень, про пупугая.. и я бы послушала...

Поломался-поломался — три дни на базаръ не выѣзжалъ, тѣста не вертѣлъ.

— Ладно, — говоритъ, — покупай часы. И про этого, про пупугая... хочу дознать, чего тамъ антиреснаго. Все-то вы, — говоритъ, — на свое вертите, вотъ погляжу...

Ну, ему Матрена Ивановна и часы серебреные, и про Рибинзона, про пупугая, купила. Часы навѣсилъ, въ зеркальцо приглядѣлся — ладно. Сталъ про пупугая читать...

— Все это, — говоритъ, — пустяки, глаза мнѣ отводите, чтобы на васъ работалъ. Я,— говоритъ.— энти штуки зна-ю! Я,— говоритъ,—вамъ не Рибинзонъ! Вы мнѣ,— говоритъ,— мозги-то не мутите!

Во, сталъ какъ достигать! Однако обошелся.

Папироску въ зубы —

— Заваривай,— говоритъ,— тѣсто! Чортъ съ тобой.

Матрена Ивановна и глазамъ не вѣритъ — за табакъ принялся! А тотъ — ногу за ногу — поплевываетъ — дымитъ.

— Да ты Бога-то у меня закурилъ! — кричитъ ему.

— Какого-такого еще Бо-га?! — Ванюшка-то. — Сказки-то энти знаемъ! Нѣтъ никакого Бога, а... все черезъ обизьяну!

Ну, тутъ ужъ Матрена Ивановна заробѣла. Оробѣла-пополовѣла, да какъ схватитъ скалку да Ванюшку по головѣ:

— Уймись, дуракъ! Богъ убьетъ!...

А тотъ только ухмыляется:

— А ну-ка, — говоритъ, — погляжу! Пущай попробуетъ, себя докажетъ!...

Во, какой сукинъ сынъ, — обнаглѣлъ и обнаглѣлъ!

— Мы,— кричитъ,— теперь уче-ные! Всѣ природы-законы знаемъ! А вотъ извольте доказать, сколько у тебѣ моего поту-крови въ укладкѣ схоронено? Кому чего на сторону идетъ?...

— Да ты сбѣсился, а?!...— мать-то ему, — женщина, понятно, леригіозная... и о-бида! — Да какъ ты смѣешь меня позорить.?!

А ему все смѣшки.

— Все дознаемъ, какіе у кого полюбовники были, да какъ изъ законнаго сына для господскихъ щенятъ соки выжимать! Думала — Рибинзонами мнѣ замажешь?!...

Стала Матрена Ивановна Ванюшку крестить.

— Святъ... святъ... святъ... сбѣсился... батюшки, очумѣлъ-сбѣсился! Отыди, сила нечистая...

Да святой водицей его, а онъ у ней чашку — р-разъ!.

Что тутъ дѣлать?! Къ отцу Семену. Подумалъ — поскорбѣлъ...

— Не иначе какъ *онъ* вселился! Молитесь... Противъ сего одно средство — молитва!

А Ванюшка тѣмъ дѣломъ къ своему совѣтчику:

— По-палъ въ точку съ запятой! Напу-жалась!.. Вильсипеда теперь добьюсь!...

А Маркушка-племянникъ ему про свое доказываетъ — ума па-лата! Поговорили-попили — на вильсипедъ. Пошелъ Ванюшка по саду крутиться. Крутился-крутился — да ке-экъ объ дерево... да головой-то на сукъ!

Всю машину поломалъ, башку разсадилъ... Ну, однако, поднялся, потеръ башку...

— Теперь, — говоритъ, — мнѣ все стало явственно, какъ на ладошкѣ. Такъ вотъ какъ она, такая-растакая, надо мной измывалась! Мнѣ, — говоритъ, — про пупугая да сапоги тамъ лаковые, а сама вонъ что-о!..

А Карла-то Иванычъ примочки ему пивной, стало быть — еще жару:

— За вильсипедъ мнѣ потомъ отдашь, сто рублей, какъ капиталы отберешь... а дозналъ я про ее досконально... прижила она отъ барина парочку — Мишу да Гришу, въ господскомъ пансіенѣ обучаются... И по вильсипеду имъ купила, и домъ, будто, отписала... А ты для нее кто выходишь? Отъ мужика-мѣщанина! И каждый мѣсяцъ по сту цѣлковыхъ имъ посылаетъ, для ученья, — на почтѣ сказывали. Понятно, тебѣ не скажутъ.

А Маркушка про свое гвоздитъ:

— Я тебѣ про высшую правду объясню! И дяденька мой прохвость тоже, зна-ю! А я изъ ума толкую: всѣ трудящіе пусть поймутъ, чтобы совмѣстно! такой законъ, природный! У дяденьки вонъ капиталы, а у меня штаны-брюки дырявые? Это позоръ для всего человѣчества!

А Карла Иванычъ про свое натачиваетъ:

— Тебя, простоту, жалѣючи, говорю! Ты ей какіе капиталы баранками добываешь, а она думаетъ — часиками откупилась? Нѣтъ, ты всѣ свои капиталы требуй!

А у Ванюшкѣ-то въ головѣ ужъ дымъ, — какъ на сукъ-то нарѣзался! Пришелъ домой, а Матрена Ива-

новна подъ образами поклоны бьетъ, за него, дурака, слезами обливается. Какъ на нее зыкнетъ:

— Подавай мои капиталы!...

Та его крестомъ-молитвой, а онъ пуще:

— Приблудкамъ своимъ господскимъ вильсипеды на мои капиталы... мо-жешь?!...

Да ке-экъ по головѣ ее звизданетъ кулачищемъ, — такъ замертво и повалилась. За укладки сейчасъ принялся, все-то распотрошилъ, повыкинулъ. Всѣ клубки размоталъ, нитокъ напустилъ — все вкругъ чисто въ паутинѣ заплелъ-запуталъ, сѣти такія навертѣлъ — и самъ запутался, не выдерется. Нашелъ три цѣлковыхъ, а капиталовъ нѣту! Полы разворотилъ, квашню вывернулъ, тѣсто со зла повыкидалъ — вотъ тебѣ калачи! всю посуду перебилъ-переколотилъ — нѣтъ тебѣ капиталовъ! Шумитъ — ломаетъ, капиталовъ все добивается. За Божье Благословеніе принялся. Всѣ иконы посорвалъ, изъ киотовъ вытряхнулъ, — и тамъ нѣту! За мать, — не на себѣ ли держитъ?.. Всюю ободралъ, прямо вотъ... серебреный крестъ сорвалъ... Сказывай!... А она, понятно, ужъ и не чуетъ. Ну, сейчасъ водой ее изъ ведра...

— Вставай, не притворяйся! капиталы мои доказывай!...

Открыла глаза Матрена Ивановна да какъ увидала содомъ-то гоморъ — закаменѣла. Опять, — комоды расколотилъ, печи ломать принялся — не въ трубѣ ли? Стало быть, зачумѣлъ. Очкнулась тутъ Матрена Ивановна да въ чемъ была, простоволосая, — въ участокъ. А въ участкѣ-то комисаръ-приставъ въ спинжакѣ — въ шляпѣ сидитъ, печатками стучитъ.

— Не имѣю,— говоритъ,— права. У насъ теперь прикосновеніе личности! А пустяками не безпокойте, у насъ дѣла спеціальныя!

Та ему въ ноги:

— Да ваше превосходительство!... да онъ эдакъ

и домъ спалитъ... кто-жъ его теперь унять можетъ?! Въ него,— кричитъ,— бѣсъ вселился!

А печатникъ смѣ-ется!

— Что еще за бѣсъ? Это,— говоритъ,— въ немъ наличности появленіе! И некогда мнѣ съ вашимъ дѣломъ, надо умыть руки!

Во, какой!

Уставилась на него, понятно, Матрена Ивановна да задомъ отъ него, задомъ... Бѣжитъ проулкомъ, глядь — Мартынъ Данилычъ идетъ, старшій городовой, ужъ расчелся. Ну, уцѣпилась за него Матрена Ивановна:

— Голубчикъ, ослобони!.. Ванюшка-то мой... сбѣсился! Полиція не вникаетъ, — къ кому-жъ теперь? Уйми ты его, хочь ты!..

— Никакъ нѣтъ, Матрена Ивановна... — Мартынъ-то Данилычъ ей.— Не могу-съ. И радъ бы, да не могу-съ. По случаю, сами знаете... штиль-то новый... Раньше-то бы съ нашимъ удовольствіемъ, въ двѣ минуты, а ноньче, сами знаете...

А самъ оглядывается.

— Голубчикъ, поблагодарю... Калачика, бывало...

— Много довольны, Матрена Ивановна. И всѣ калачики кушали, да вотъ, штиль-то новый... Оно бы, конешно, можно бы...

А самъ все оглядывается, съ опаской...

— И самимъ-то имъ тошно, вотъ что про штиль-то шумѣли, а самолюбіе. Каждому желается печатками-то стучать... тоже вѣдь и жалованье полагается...

Однако пошелъ. Подходятъ, а у двора сосѣди:

— Ванюшка-то вашъ,— кричатъ,— какихъ калачей-баранокъ навертѣлъ! Всѣхъ свиней порѣзалъ, съ ножомъ — съ огнемъ по двору мечется! все капиталовъ ищетъ... Насъ еще, упаси Богъ, спалитъ!..

А какъ признали Мартынъ Данилыча-то, — всѣ въ голосъ:

— Голубчикъ! да утихомирь ты его... съ ножомъ, вѣдь!..

Тутъ Мартынъ Данилычъ и приступилъ. Усы поправилъ, въ кулакъ поплевалъ, плечи эдакъ поразмялъ, — ну, си-ла, прямо!

— Которые... осади, не лѣзь! ..

Пошелъ на Ванюшку ходомъ. Тотъ отъ его въ кутокъ, къ свиньямъ, а тотъ свое дѣло понимаетъ, достигаетъ. Привышный... Слышно, настигъ, навалился, хрипитъ въ теми-то:

— Вре-ошь... у минѣ... не вы... не вы-дерешься... не-этъ... Эй, которые тамъ... давай... веревку..!

А ужъ тутъ всѣ — пожалуйте! Ну, связали. Получилъ полтинникъ, козырнулъ — пошелъ. А ему вдогонъ:

— А ты, голубчикъ, нѣтъ-нѣтъ да и навѣдайся! кто ее знаетъ...

— Да ужъ будьте спокойны... навсягды рады для безпорядку!

Присягу, понятно, принималъ... правильный.

Вотъ Матрена Ивановна сидитъ въ дому, во всемъ этомъ безобразіи, надъ Ванюшкой убивается. А тотъ зубами скрипитъ, лается — признавать себя не признаетъ. Проплакала до утра — къ отцу Семену. Куда же ей больше? А тотъ ей:

—Господнее попущеніе, Матрена Ивановна...претерпите. И молились мы, и кропились... Посовѣтуйтесь съ врачомъ, — а не уврачуетъ, будемъ просить Врача Небеснаго — пусть ужъ къ себѣ приберетъ, чѣмъ ему безъ ума колобродить. Сарьезнаго, стало быть, сорту *онъ*-то! Доктора Сѣрикова пригласите, въ голову ему пусть постукаетъ. Онъ по сумашедшему дѣлу знающій.

Пригласила Матрена Ивановна Сѣрикова. Сразу въ голову постучалъ, вродѣ какъ къ себѣ въ квартеру, и говоритъ, ну, чисто ему извѣстно:

— Пустякъ, ничего серьезнаго. Понятно, холера мозговая! А можетъ чего и въ голову попало, мозги перевернуло... Можно капли успокоительныя, а то лучше — отъ мыслей отговаривать. А тамъ посмотримъ.

Такъ словами и запорошилъ. Ну, лѣчилъ-лѣчилъ, сколько денегъ перебралъ, — нѣту лучше! Хуже даже съ Ванюшкой стало. Ужъ и говорить по-человѣчьи не сталъ, а все рычитъ. Подъ себя даже, простите сказать, непорядокъ дѣлаетъ. Ну, Матрена Ивановна слезами вся изошлась: хочь и дуракъ, а свое дите, жалко.

А ужъ докторъ-то, Сѣриковъ-то, ужъ и самъ видитъ, что кишка у него тонка для такого дѣла... да еще Ванюшка прямо въ рыло ему плюется — лѣчить не дается... — конешно, ему непріятно, да и страшно, — вотъ и говоритъ:

— Видите, Матрена Ивановна... Я, конечно, могу его вылѣчить, но... надо подождать. И потомъ я долженъ уѣхать по важнымъ обязанностямъ... требуютъ меня заграницу, къ министрамъ финансовъ. Обратитесь пока къ другому спеціалисту, но только онъ дорого обойдется...

Наговорилъ-наговорилъ, запуталъ — и до свиданья!

Къ кому итти? Ну, пошла Матрена Ивановна къ отцу Семену, понятно.

— Хочу и хочу. Хочь все пролѣчу, а Ванюшку спасти желаю!

Свѣрился отецъ Семенъ по календарю и присовѣтовалъ:

— Есть такія примѣты, что ежели болѣзнь это, такъ не иначе, какъ нѣмецкая. Очень англичане по этимъ дѣламъ дошлые... попробуйте! Даже королей вылѣчивали!

Пришлось Матренѣ Ивановнѣ англичанина выписывать. Пріѣхалъ съ чемоданчикомъ, зубастый да строгой, все распросилъ-дозналъ, въ бинокли голову поглядѣлъ, — говоритъ:

— Есть!

Такъ Матрена Ивановна и сѣла!

— Ужли есть?! И батюшка-то про *его* все!... Выгони-

те хоть вы-то *его*... ваше превосходительство! ничего не пожалѣю!..

— Есть! — говоритъ. — Мозги спутались. И-нородное тѣло!

— И... народное?!?.. Ну, смо-три-те... Сонъ-то какой намедни видѣла... — *онъ* возля Ванюшечки-то стоитъ... самый *онъ*, че-орный да страшенный!..

А англичанинъ строго на нее:

— Какого тамъ чорта—сонъ! Самая-то явь гнусная! Черепъ съ него собью и все промою...

— Че-репъ?!.. — какъ ахнетъ Матрена Ивановна, — помретъ?!

Страшно, понятно, стало: че-репъ!

— Коли не помретъ — выздоровѣетъ. Сдѣлаю ему наружное-внутреннее.

Ну, стро-гой, — не забалуешь!

Сейчасъ серебренымъ молоточкомъ — тукъ-тукъ — по головушкѣ... — да чтой-то вдругъ и настукалъ: объ одно мѣсто сталъ, въ темячко.

—Есть!—говоритъ. Нашелъ, стало быть, имѣется.

Сейчасъ пузыречекъ къ носу, — лежитъ Ванюшка, не дышитъ. Снялъ англичанинъ черепушку — и опять въ бинокли наставился. Глядѣлъ — глядѣлъ, нацѣлился... да какъ дернетъ!.. да вотъ эдакую вотъ занозищу и выхватилъ! болѣ пальца! И показываетъ:

— Можете сами видѣть — ино-родное тѣло! Какъ его угораздило такую штуку заполучить... не пойму! никогда за всю практику... Какъ онъ у васъ не сдохъ — не понимаю! Но теперь можете быть спокойны. Если отъ такого полѣна не околѣлъ — выправится.

Промылъ все, какъ по ихней наукѣ требуется, черепушку въ пазы наставилъ — молоточкомъ пристукнулъ, — живетъ! Ванюшку за носъ потормошилъ:

— Вставай, чудо-юдо! Время!

Тотъ съ койки долой да къ квашнѣ. А англичанинъ попридержалъ.

— Погодите, молодой человѣкъ. Сейчасъ внутреннее будетъ.

Досталъ изъ чемоданчика книжечку и ну вычитывать:

— «Чти отца твоего и матерь твою — и благо тебѣ будетъ...» «Не укради!» «Не убій»...

— Да зна-ю! — кричитъ Ванюшка.

А англичанинъ его пальцемъ въ лобъ:

— «Не пожелай дому ближняго твоего, ни осла его, ни козла его...»

Да пальцемъ, пальцемъ...

Вскочилъ Ванюшка да за квашню. А тотъ опять придержалъ — лежи! Еще книжечку вынулъ, и опять:

—«На чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай да свой, свой затирай!»

— Обязательно желаю! — кричитъ Ванюшка, а Матрена Ивановна:

— Такъ его, ваше превосходительство! — кричитъ. — Да хорошенечко ему, хорошенечко вдолбите въ башку-то глупую...

А тотъ свое, безъ разговору:

— «Безъ труда нѣтъ плода!» «Тише ѣдешь — далѣ будешь!»

— Да зна-ю!...

А тотъ свое да свое, да пальцемъ, пальцемъ:

— «Семь разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь!»

— Да зна-ю!... — ну, рвется... прямо, дрожмя-дрожитъ..

— «Терпи, казакъ — атаманъ будешь!» Гуляй! — какъ крикнетъ англичанинъ да—поздатыльникъ!.. Какъ Ванюшка со всѣхъ ногъ да къ квашнѣ, да за тѣсто, да за баранки...

А англичанинъ бинокли-книжки свои убралъ, зубищи-клыки свои желтые ощерилъ и смѣется Матренѣ Ивановнѣ:

— Видали? Очень хорошія ваши пословицы, а самая лучшая ваша — «Сухая ложка ротъ деретъ!»

И въ ладошку почесалъ-потыкалъ. Тутъ, понятно, Матрена Ивановна ему въ ручку, да самыми-то настоящими, звонкими, золотыми, — цѣльный десятокъ и отвалила, по уговору: понятно, тайное мѣсто у ней имѣлось для капиталовъ, женщина была неглупая.

— Вѣкъ буду Бога молить за упокой — за здравіе. Имячко-то ваше праведное скажите.

— А зовутъ меня,— говоритъ,— Мастеръ — Таймъ!

— Что-то я святого такого и не слыхала... — Матрена-то Ивановна говоритъ.

— Напрасно-съ... — тотъ-то ей да таково строго. — Самый святой изъ святыхъ. Всякія болѣзни исцѣляетъ и никогда ошибки не дастъ, будьте покойны. А по-вашему — Время, называется.

А свое дѣло понимаетъ: всѣ штучки объ камушекъ прозвонилъ, въ кошель ссыпалъ, чемоданчикъ въ руку, ощерился и — прощай, мамаша!

— За Время-то и деньги платятъ! Это ужъ — наша. Зато прочно-съ, можете быть спокойны: повторенія не случится-съ, съ ручательствомъ!

Трубочку закурилъ и айда, — къ себѣ, въ Лондонъ.

И пошла Матрена Ивановна опять калачами-баранками торговать. А Ванюшка — диву дались! — все Городище пряниками засыпалъ: ѣшь — не надо!

Октябрь 1919 г.

Алушта.

СЛАДКІЙ МУЖИКЪ

Сказка

Жилъ въ большомъ городѣ ученый баринъ, и была у него, какъ полагается, квартира со всякой мебелью, а лучше всего кабинетъ, гдѣ писалъ баринъ книги. Висѣли въ томъ кабинетѣ разные портреты и картинки, а на картинкахъ было: то деревнюшка какая убогая, то земельку мужичокъ пашетъ, а за нимъ грачи ходятъ, то Савраска дровишки изъ лѣску тащитъ, — самое деревенское. Про деревню да мужичковъ и писалъ свои книги ученый баринъ. Извѣстно: что знаешь да любишь — про то и пишется; а деревенскую жизнь зналъ баринъ досконально, потому что живалъ на дачѣ.

И жалостливо писалъ — даже плакалъ. Такъ ужъ жена и знала: какъ засѣлъ въ кабинетъ писать, ужъ она ему полдюжины платковъ носовыхъ подкладываетъ.

Совѣтовали ему доктора не шибко разстраиваться: слезами все равно не поможешь, а только изведешься занапрасно и не напишешь, сколько по таланту отпущено. А баринъ говорилъ докторамъ:

— Не могу: кровью своей пишу и сокомъ нервовъ.

Помаленьку, понятно, и изводился. И дотого съ годами разстроился, что получилъ даръ слезный.

Бывало, сидитъ въ «Прагѣ» съ друзьями-пріятелями, память какую знаменитую празднуетъ, — такъ даже надъ икоркой плачетъ. Жуетъ пирожокъ съ икор-

кой зернистой, а самъ плачетъ да приговариваетъ, головкой покачиваетъ:

— Вотъ... мы тутъ икорку ѣдимъ... а ее все тотъ же Иванъ-Степанъ въ непогожую осеннюю ночь ловилъ... въ бурномъ Азовскомъ мо-рѣ..!

И такъ это на пріятелей дѣйствовало, что даже скатерть приходилось перемѣнять: мокрымъ-мокро.

А какъ Татьянину ночь праздновать, — а ее безъ шампанскаго праздновать даже закономъ воспрещено, — непремѣнно предложитъ тостъ:

«За того, кто милѣе всего!
Кто и пашетъ, и коситъ, и сѣетъ!»

Понятно, кой-что и спутаетъ иной разъ, зато — отъ сердца.

А какъ выйдетъ изъ «Праги» къ извозчикамъ на снѣжокъ, опять разстроится. Вспомнитъ — и начнетъ вычитывать:

Ваня-извозчикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ!

А студенты почтительно подъ локотокъ поддерживаютъ и нужное словечко подскажутъ. Выйдутъ на площадь подъ фонари гурьбой, остановятся для порядку, а ученый баринъ и тутъ слово свое уронитъ. Глянетъ на фонари — и пойдетъ:

Въ столицѣ свѣтъ, шумятъ витіи,
Гремитъ словесная война!
А та-а-мъ!..

— и обязательно къ Пречистенскому бульвару погрозится—

... во глубинѣ Россіи...
Тамъ... вѣковая ти-ши-на!...

Тоже и дѣтишекъ своихъ училъ баринъ — «черному хлѣбушку поклониться», а самъ любилъ-таки сухарики съ миндалемъ и подковки съ солью.

И дѣтишки были у него умныя, не по годамъ. Степочка могъ даже «старичка-Некрасова» пальчикомъ указать, и гдѣ «дѣдушка Златовратскій» — зналъ, и даже «дяденьку Скабичевскаго» могъ найти. А каплюшка Настюша при гостяхъ свои таланты показывала:

„Гдѣ ты цельпалъ эту силу,
Бѣдный музицокъ?"

Добрякъ былъ ученый баринъ, но и серчать умѣлъ.

Прочиталъ какъ-то одинъ разсказъ — «Мужики» называется, — три ночи уснуть не могъ, а на четвертую сѣлъ въ кабинетъ и здоровеннѣйшій нагоняй написалъ. Писалъ да приговаривалъ:

— Нельзя-съ, молодой человѣкъ, нельзя-съ! Темныя-то очки снимите-съ! Учитесь свѣтлое находить! Да-съ!

Вотъ заѣхалъ разъ къ ученому барину пріятель, — учились вмѣстѣ. И давай на мужиковъ жаловаться: и темны-то они, и дики, и головы-то другъ-дружкѣ прошибаютъ, и...

— Школу имъ чудесную выстроилъ, а они и дровъ на нее давать отказываются.

А баринъ ему свое да свое:

— Не глядите въ темныя очки! Я ужъ одному разгонъ сдѣлалъ.

А пріятель не унимается:

— Буракъ сѣять совѣтую, куда выгоднѣй ихней гречки! — не желаютъ. Поживите съ ними! А вы черезъ дачки все да черезъ Златовратскаго съ Михайловскимъ смотрите!

Подивился ученый баринъ — до чего одичалъ пріятель! И говоритъ:

— Поживи съ мое въ деревнѣ да поѣшь-ка кислыхъ ще-эй... да поноси худыхъ лапте-эй!..

— Да лаптей-то ужъ и въ-поминѣ нѣту, — говоритъ пріятель. — Лапотки теперь въ оперѣ только показываютъ! А больше лаковые сапоги носятъ, да перчатки съ калошами, да похабныя частушки орутъ. А на школу жалѣютъ!

Такъ баринъ и замахалъ руками.

— Нѣтъ-съ, дудки-съ! Мужики не дураки, коль не сѣютъ бураки! — Засмѣялся даже. — Сахарокъ любите-съ? А не хотите ли родного нашего хрѣ-ну понюхать?!..

Пожалъ пріятель плечами, угостилъ ученаго барина въ «Славянскомъ Базарѣ» ужиномъ, а на прощанье и говоритъ:

— Читалъ я книгу вашу послѣднюю...

— Ага! — такъ и просіялъ ученый баринъ. — Ну-съ, что скажете?

— Да вотъ что я скажу... У меня бо-льшой сахарный заводъ, а теперь вижу, что вашъ куда больше!

И уѣхалъ къ себѣ домой.

Вотъ, подошли бариновы именины, и получаетъ онъ поздравительное письмо изъ Кіева, а при письмѣ — на грузъ накладная. Послалъ баринъ человѣка на вокзалъ, и привозятъ ему съ желѣзной дороги — огромаднѣйшій ящикъ, со шкапъ! И выведено по всему тому ящику дегтемъ:

«Осторожнѣй!! Бьется!!!»

Да еще снизу подчеркнуто.

Что такое?! Скорѣй — вскрывать. Да какъ раскупорили, да какъ соломку съ сѣнцомъ разворошили, такъ всѣ и ахнули!

Мужикъ, изъ сахара-рафинада! Сюрпризъ!

Высвободили мужика изъ сѣна-соломки, подняли и поставили на ноги во весь ростъ. Ну, и фи-гу-ра!

Самый заправскій мужикъ, въ лаптяхъ, въ сермягѣ, кушакомъ подпоясанъ, съ топоромъ за поясницей, съ бородой, какъ водится, и даже въ шляпѣ гречневикомъ. Самый-то исконный, законный мужикъ, какъ на театрѣ его показываютъ. И весь изъ чистаго сахару! Смѣрили — два аршина восемь вершковъ, — природный. Въ плечахъ — косая сажень. Ну, прямо живой — только не говоритъ.

Даже засмѣялся баринъ:

— Ахъ, злодѣй, какую штуку со мной удралъ! Влѣзло-таки ему въ копѣечку. Одного сахару пудовъ шесть будетъ, да мастеру, небось, сколько тыщъ заплатилъ. Да ему что — плюнуть.

А дѣтишки высунули язычки и ну лизать. Сладкій, настоящій! И самъ ученый баринъ не утерпѣлъ — въ ручку разокъ лизнулъ: рафинадъ самый чистый!

Стали думать, куда того мужичка опредѣлить: не ѣсть же такое чудо! И рѣшили въ кабинетъ поставить, за письменный столъ, въ уголъ — на всемъ виду. Купили столъ черный, лаковый, сто рублей дали, и взгромоздили мужичка на тотъ столъ. Четверо ставили: основательный былъ мужикъ.

Съ той поры, какъ по утру въ кабинетъ войдетъ баринъ, первымъ дѣломъ на того мужика заглядится. Блеститъ!

Стоитъ мужикъ бодро, одной рукой за спиной топоръ держитъ, какъ полагается, другой на сукастую дубинку упирается, хмуро глядитъ — лѣсной. А баринъ вспомнитъ сейчасъ и скажетъ:

„Вотъ мужички съ топорами явились,
Всякіе звѣри въ лѣсу притаились...“

Ходитъ по кабинету со стаканомъ чаю, подойдетъ да и полижетъ маленько.

И дѣтишки, бывало, прибѣгутъ — кричатъ:

— Папочка, можно намъ мужичка полизать немножко? Онъ сла-адкій!..

— Да жизнь-то его горькая! — скажетъ баринъ. — Ну, что жъ, полижите немножко. Помните, дѣтки:

«Холодно, странничекъ, холодно!»?

А дѣтишки ужъ къ мужичку язычками тянутся, спѣшатъ:

«Гоедно, стланничекъ..... гоедно!»

И такое сладкое чувство барина охватитъ, — даже на глазахъ выступитъ. А шестипудовый стоитъ себѣ, хмурый, — какъ въ лѣсъ глядитъ. А кругомъ-то его пищатъ:

— Ахъ, добренькій! ахъ, сладенькій... ахъ, хорошенькій мужичокъ нашъ!..

— Да, — скажетъ баринъ: — въ немъ, дѣтки, великая правда. Въ немъ и любовь великая, и жалость. Потому что...

И начнетъ вслухъ свои слова высказывать, какія для книгъ сготовилъ. А дѣтишки своимъ дѣломъ занимаются.

Вотъ разъ засидѣлся баринъ въ кабинетѣ до поздней ночи — нагоняй кому-то опять писалъ. Все, какъ на ладошкѣ, выказалъ: все-то мужикъ понимаетъ, чего и великіе умы не произошли. Чаю выпилъ стакановъ десять да нѣтъ-нѣтъ и потянется черезъ столъ, нѣтъ-нѣтъ да ногу у мужика и полижетъ — по привычкѣ. А къ разсвѣту новую свою книгу писать принялся — «Недостатки народа — его достоинства». Такъ перышко-то и бѣгаетъ, только скрипъ идетъ. Сердце то такъ и рвется, а на глазахъ слезы накипаютъ. Ужъ и не видятъ глаза-то отъ горючей слезы, что лампа садится, все темнѣй да темнѣй становится.

А въ ту пору электричество-то прикончилось, по случаю большой забастовки.

А тотъ строчитъ и строчитъ, совсѣмъ головой къ писанію своему нагнулся...

Какъ вдругъ — крраккк!... — будто орѣхъ разгрызли...

То ли дубинка сахарная сломилась, то ли дѣтишки мужику ногу пролизали, а, можетъ, и сотрясеніе какое вышло, — только грохнулся тотъ мужикъ всей своей шестипудовой громадиной на столъ и проломилъ ученому барину голову до смерти.

Прибѣжала жена —ахъ-ахъ! — а ни мужика, ни барина: одни куски.

Октябрь 1919 г.
Алушта.

ПАНКРАТЪ И МУТНЫЙ

Сказка

Дѣло было въ сочельникъ, къ ночи.

Панкратъ, мужикъ строгій, хозяйственный, подѣлалъ всѣ положенныя дѣла: нарубилъ хворосту старухѣ, задалъ корма скотинѣ, принесъ воды, закрестилъ запоры и покрѣпче приперъ коломъ ворота. Время было разбойное. Старуха тоже дѣла покончила, разлила по мискамъ свиной студень,— будетъ чѣмъ разговѣться! — поставила подъ лавку и накрыла отъ мышей корытцемъ. Съ мороза да съ теплаго свиного духу Панкрату захотѣлось студню, но онъ поглядѣлъ на картинку — «Смерть Грѣшника», съ рыжимъ и тощимъ грѣшникомъ у зеленаго чорта въ лапѣ,— и воздержался. Сидѣлъ — подумывалъ: спать, что ли?..

Подъ лампочкой съ набѣжавшими тараканами, Степанъ, заявившійся «со всѣхъ фронтовъ», вычитывалъ на газеткѣ, выворачивая слова, и приговаривалъ, возя носомъ: «во!» Отъ словъ Панкрату было не по себѣ. И стало ему мерещиться. Похожъ!.. Сморгнулъ, опять поглядѣлъ... — по-хожъ! Потеръ глаза, приглядѣлся — и жуть взяла!..

«Ну, дочего похожъ... только не говоритъ, не олитъ!...» — думалъ Панкратъ, приглядываясь: — «и рыжій такой, и верткій, тощій... Самый онъ, Мутный.»

Самый *онъ!* Пріѣзжалъ подъ Миколу, съ кожаной сумочкой на замочкѣ, шумѣлъ въ училищѣ, доказывалъ

про свою вѣру. Про землю говорилъ мутно, требовалъ отобрать,—это Панкратъ понялъ,— чтобы ренду *ему* платили! — кричалъ, что нѣтъ никакой вѣръ-отечествы, а... Самое это слово, въ версту, и вычиталъ Степанъ на газеткѣ. Еще говорилъ про капиталы, что надо ихъ отобрать. Осталась на душѣ муть. Такъ и обозвалъ его Панкратъ: Мутный! И вотъ, онъ самый и есть, въ картинкѣ!

Признавъ его на картинкѣ, Панкратъ плюнулъ и отвернулся. Посидѣлъ, опять поглядѣлъ: самый *онъ!* Опять плюнулъ. Старуха забранилась:

— Чего расплевался-то? Только имъ вымыла, опять мыть?..

— Ну, тебя!..— отмахнулся Панкратъ, разстроился.

Забылъ про зарокъ,— до розговенъ не курить,— насыпалъ трубочку, задымилъ.

— Бога-то бы хоть не коптилъ до Праздника!.. — забранилась опять старуха и тоже плюнула.

Время было и спать. Панкратъ покурилъ, слушая изъ газетки, заскучалъ, покрестился на темнаго Миколу съ догоравшей лампадкой,—масла не напокупаешься! — и полѣзъ на печь, подъ овчины.

На дворѣ крѣпко морозило, пострѣливало въ бревна.

— Здорово долбаетъ! — сказалъ Степанъ. — По Москвѣ такъ-то намедни шпарили!..

— Забаву какую взяли! — сердито отозвалась старуха, откидывая творогъ. — Можетъ, и Мишутка съ *ими*, душу губитъ!..

— Дураковъ-то понадѣлали... — позѣвалъ на печи Панкратъ. — Намутили-намурили... овса ни у кого не стало!..

— Энто мы разберемъ, досугъ будетъ... — сказалъ Степанъ. — Называется... очередями шпаримъ! Только Мишка по другому дѣлу, которые безъ сознанія. Назы-

вается, въ Питерѣ по погребамъ лазить... котъ-рыволюцанеръ!

Старуха опять плюнула.

Степанъ вычитывалъ, какъ били другъ-дружку въ Казани и въ Рязани, на Дону, и подъ Бѣлгородомъ; сожгли — выпили водочный заводъ и разграбили сахарный; какъ семерыхъ повѣсили на соснѣ, а троихъ сожгли на кострѣ...

— До-шли... — позѣвалъ Панкратъ.

— ...«орен... тацея... прын... цы... повъ... прынцовъ... ан... терна... лизма!...» Во!

— Да буде тебѣ, жуть!.. — отозвался съ печи Панкратъ. — Пра-здникъ!

Стало ему дрематься.

Думалось: уйдетъ Степанъ — надо вынуть изъ-подъ полу, у двери, замотанное въ клубки шерсти, въ лузгѣ, — двѣ сотенныя бумажки, двѣнадцать серебра и три золотыхъ, и закопать въ ригѣ, поглубже. Станутъ капиталы отбирать... и лихого народу много. Овса бы засѣять надо. На Святкахъ усадьбу дѣлить станутъ, скирдищи какiе не обмолочены... Парочку бы лошадокъ лохмоногихъ, изъ-подъ орудiевъ. Степашка сказывалъ, руку въ комитетѣ надо. Увидалъ громадную рыжую корову, изъ усадьбы: стоитъ во дворѣ, столбъ языкомъ трясетъ... Потомъ — поле съ войскомъ крестцовъ и облюбованный «Черный Клинъ», двѣ десятины чернозему, подъ конопляннники... Лежитъ Панкратъ на «Клину», слышитъ, какъ крѣпко навозомъ тянетъ, раскинулъ руки и думаетъ: «вся — моя!» И вотъ, слышитъ:

— Подавай капиталы!

И не въ полѣ онъ, а въ избѣ. И, будто, все тотъ же вечеръ, и лежитъ на столѣ газетка, и потрескиваютъ бревна. Лампочка чуть подвернута, у Миколы не те-

плится лампадка, окошки совсѣмъ обмерзли, какъ сахарныя. Морозъ, видно, крѣпкій, звонкій.

Оглядѣлся Панкратъ: кто у него капиталы требуетъ? Взглянулъ подъ лоханку, въ уголъ, гдѣ деньги въ клубкахъ схоронены... Человѣкъ!... Сидитъ человѣкъ на лавкѣ, ножкой покачиваетъ. И обомлѣлъ: Мутный, за капиталами!..

— За капиталами! — говоритъ Мутный.

Хотѣлъ Панкратъ крикнуть, а языкъ не ворочается. Смотритъ: одежа городская, тройка, въ сѣрую клѣточку, башмаки на шнурочкахъ, и цѣпочка поблескиваетъ. А у бока та сумочка, на замочкѣ, съ бумагами и печаткой. Изъ себя жигулястый, сидитъ — будто, на шилѣ вертится, ногу на ногу закидываетъ, — юлитъ: то къ стѣнкѣ прикачнется, то колѣнку къ самой бородкѣ вскинетъ, руками ее прихватитъ. Самый-то *онъ* и есть, Мутный! Лицо квелое, волоса рыжіе, линялые, назачесъ. Подивился, какъ это въ избу къ нему забрался: ворота коломъ приперты!

А Мутный поюлилъ-повихлялся, показалъ зубы, мелкіе, какъ у мыши, и — опять:

— Подавай капиталы!

Такъ Панкратъ и захолодѣлъ! Видитъ: карманы здорово оттопырило — съ оружьями *они* ходятъ! И зашепталъ хитро, чтобы посмѣлѣй казаться:

— Какіе, господинъ, у мужиковъ капиталы! Вонъ, сынъ съ войны воротился, бонбандеръ... на лавкѣ спитъ съ ливонвертомъ!...

Глядитъ — а Степана нѣтъ! А Мутный прихватилъ колѣнку и закачался, ощерился:

— Степанъ за насъ записанъ-запечатанъ! — и похлопалъ по сумочкѣ. — Подавай капиталы, пятьсотъ рублей!

Хотѣлъ Панкратъ Степана позвать, а голосу нѣтъ. Закланялся:

— Нѣтъ у насъ, гоподинъ, овсинки-порошинки, а не то что... Христовъ Праздникъ, а и хлѣбца нѣтъ...

Да и засѣкся: здорово свининой пахнетъ! Подумалъ: учуетъ Мутный! А тотъ ужъ носомъ повелъ и спрашиваетъ, строго:

— А почему сту-день?! Изъ какихъ капиталовъ? Почемъ нонче свинина!? Вонъ, подъ лавкой, на цѣльную недѣлю запасено?!...

Закланялся Панкратъ, сталъ голоскомъ умасливать:

— Старуха это, должно, ваше благородіе... необразованная!.. у сосѣдевъ, значитъ, призаняла, для-ради Праздника... студенькю наварила, какъ я за дровишками въ лѣсокъ отлучился... Сынокъ съ войны пришелъ, для его!..

А Мутный въ бородку фукнулъ, гаркнулъ, какъ становой-покойникъ:

— Впротоколъ составлю! Какой губерніи-уѣзду? сколько овецъ-лошадей-коровъ? винтарю живого-мертваго?!...

«Ку-ды добивается!» — подумалъ Панкратъ, — «про капиталы-то забудетъ, можетъ...»

И сталъ похрабрѣй хитрить:

— Вамъ бы, ваше благородіе, къ столику, подъ картинку... способнѣй бы впротоколъ писать!... Сынъ-то довѣтру вышелъ, руку приложить некому...

А Мутный все, будто, понимаетъ. Сидитъ — не подается, пальцемъ подъ лоханку тычетъ:

— По-чемъ лузга?!..

Сталъ-было божиться Панкратъ, да какъ поглядѣлъ къ картинкѣ... — ну, самый *онъ*... въ лапѣ у *зеленаго* зажатъ съ мѣшочкомъ! Рука и не подымается. Пошелъ отводить увертками:

— И какъ это вы, вашбродіе, скрозь заборъ-то... не повредились?... Въ окошечко хоть бы стукнули... И кто же вы теперь будете, по какимъ пунхтамъ?..

А Мутный — пальцемъ въ газетку, и прочиталъ, какъ Степанъ:

— ... «ан-тер... нализма!...»

Прикинулся Панкратъ, будто не понимаетъ:

— Та-акъ... А это чего жъ такое?..

А тотъ и началъ доказывать:

— Ор-ганъ для всего міра! Зажгемъ факеломъ весь свѣтъ!..

— Такъ-такъ... понимаемъ, ваше благородіе... для свѣ-ту!... — закланялся-зашепталъ Панкратъ: — Самые вы наши... эти.... благодѣтели!... Яишенку не желаете ли, ваше благородіе?...

Подманивалъ Мутнаго къ столу, отъ уголка подальше, всѣхъ тараканов посбилъ. А самъ все тужился — вспоминалъ: топоръ-то куда засунулъ?... А Мутный перегнулся—и суетъ голову подъ лавку...—въ самую то бы пору топоромъ!

— Крысы, ваше благородіе, тамъ... въ морду даже цѣпляются... Кры-ысъ у насъ, вашбродіе... полно подполье!...

И увидалъ: торчитъ топорище изъ подпечья! Потверже на ногахъ сталъ. А Мутный — носомъ подъ лавку, и говоритъ:

— Не будетъ пощады капиталамъ!

Панкратъ ступилъ пяткой на топорище, сказалъ сурьезно:

— Вовсе пустой разговоръ. Нѣтъ у насъ капиталовъ!

И будто у него пятка зачесалась. Присѣлъ, топорище схватилъ — и за спину!

— Какой вѣры будешь? чего испровергаете?... Сказывай, какая твоя вѣра?..

Мутный и замотался! Прихватилъ колѣнку, закорчился...

— Про человѣчество...

— Энто я знаю! — крикнулъ Панкратъ,— откуда и голосъ взялся! — Не юли, чортъ рыжій... въ Миколу вѣришь?!..

Да топоромъ въ уголъ и показалъ! Мутный скосился

эдакъ, будто топора не видитъ, и усмѣхнулся — скрипнулъ, словно скорлупу раздавилъ:

— Пролета... реянта...

— Я въ проли... таріянту не признаю! — взмахнулъ топоромъ Панкратъ. — У меня земля! Миліены насъ, полна Россія!.. Прямо, руки за спину — и... троихъ въ прорубы утопили!.. Я стро-гай за вѣръ-отечеству!.. я во-какой стро-гай!.. — набиралъ Панкратъ духу... — всѣхъ запутали-обманули?!.. Кто ты такой, покажь пачпортъ?!..

Мутный сидитъ — не движетъ, и лицо его будто потусклѣло.

— Вѣръ-оте-чествы нѣту?!.. — лѣзъ на него Панкратъ — махался, и жуть брала. — У кажнаго... самый идолъ-поклонникъ... должна быть!... Капиталы тебѣ подай?!.. Жечь?!.. Какой еще тебѣ свѣтъ жечь?!.. Кажный день пожары?!.. А это ви-дишь!.. — размахивалъ топоромъ Панкратъ...

А Мутный — хоть бы пошелохнулся!

— Чего у тебя въ сумкѣ?.. каки думки?!... Покажь руки, чортъ Мутный.!. Бѣлыи?!... Лопатчонкой не ковырнулъ, а... зе-млю-у?!!. про-центъ тебѣ плати?!. Въѣлся въ загривокъ вошью... Па-чпортъ, какого роду-племени?!..

Наваливался горой на Мутнаго, голову все искалъ. А головы и не видно! Вертѣлся подъ рукой Мутный, скрипѣлъ скорлупой — юлилъ, зеленымъ дымочкомъ вился, не давался...

— Гло-тку... пере... гры...зу!... — хрипѣлъ, продирался во тьмѣ Панкратъ, старался углядѣть голову...

И углядѣлъ! Въ самый-то уголъ, подъ лоханку, забился Мутный, къ заманной половицѣ. Махнулъ Панкратъ топоромъ, стиснулъ глаза — и ахнулъ!...

— ... топоры!.. — тяжко хрипѣлъ Панкратъ на жаркой своей овчинѣ, — да-вай... топоры... Ми... ко-ла-а!...

— Панкратъ, очунься!.. Го-споди, да очунься!... — дергала его за ногу старуха. — Панкратъ!?..

Мычалъ Панкратъ, тыкался головой въ овчину. Дышать нечѣмъ, языкъ запекло — терка-теркой. Очнулся, привсталъ, — темно. Хотѣлъ перекреститься — руку не слышитъ, занѣмѣла.

— Го-споди... огоньку бы... Душилъ меня, старуха, навалился...

— Перпужалъ какъ... Бужу, а ты и не чуешь... — закрещивала его старуха. — Всѣ полѣнья пораскидалъ, горшки побилъ... дурашный!.. Лампадку, постой, затеплю...

— Фу... зажги... не продохну... какъ испужался-то... Съ *энтимъ* все... Ухъ ты, руку-то какъ я зашибъ, не владаю... — хрипѣлъ Панкратъ, — охъ, водицы испить дай, старуха...

— Ать, дурашный... — жалѣла его старуха.

Свѣсилъ съ припечка ноги, сидѣлъ — переводилъ духъ. Ковшъ подала ему старуха, съ лединками, — вытянулъ полный ковшъ.

— Фу... маленько поотпустило...

— А чего видалъ-то?..

— Нехорошо видалъ... *энтотъ* приходилъ... топоромъ *его* посѣкъ, будто?...

— Да ну!.. — всполохнулась старуха, закрестилась. — Царица Небесная... не сталось бы чего, Панкратушка?!..

— Съ картинки сошелъ... Топоръ гдѣ?...

— Да гдѣ... въ подпечьи, самъ давеча поклалъ! А чего сошелъ-то?..

— Сошелъ-то... — опоминался Панкратъ, потирая зашибленную руку. — Да за деньгами приходилъ, будто... добивался...

— За деньгами!!... — дернулась головой старуха.

— За деньгами... «Подавай капиталы»! Спасибо, топоръ попался... Гдѣ Степанъ?..

— Спитъ, гдѣ-жъ ему быть-то!.. А чего?..

— Спитъ?.. Вотъ чего... въ ригѣ закопаю...

— Какъ ужъ удумаешь... Время то, незнамо чего жди...

— Топоръ, хорошо, схватилъ... отбился! Микола-Угодникъ помогъ.

— По-могъ?!..

— Помогъ, явственно. Вмѣстѣ, будто... одолѣвали...

— Матушка, Царица Небесная... — зашептала старуха, закрестилась.

Такъ до вторыхъ пѣтуховъ и досидѣли.

Декабрь 1917 г.
Москва.

Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

Зарубежныя книги
ИВ. ШМЕЛЕВА:

«*Неупиваемая Чаша*». «Забавное приключеніе». К-во «Русская Земля», Парижъ, 1921 г.

«*Это было*». К-во «Гамаюнъ», Берлинъ, 1923 г.

«*Какъ мы летали*» и др. разсказы (для юношества). К-во «Гамаюнъ», Берлинъ, 1923 г.

«*Неупиваемая Чаша*» и др. разск. К-во «Пламя», Прага, 1924 г.

«*Солнце мертвыхъ*», эпопея. К-во «Возрожденіе», Парижъ, 1926 г.

«*Человѣкъ изъ ресторана*», ром. К-во «Возрожденіе», Парижъ, 1927 г.

«*Степное Чудо*» и др. сказки. К-во «Возрожденіе», Парижъ, 1927 г.

Готовятся къ печати сборники разсказовъ того же автора:

«*Про одну старуху*»,
«*На Пенькахъ*»,
«*Тѣни Дней*»,
«*Свѣтъ Разума*».

Книги Ив. Шмелева, выходившія въ Россіи: I. Распадъ. II. Подъ небомъ. III. Человѣкъ изъ ресторана. IV. Пугливая тишина. V. Волчій перекатъ (Рбзстани). VI. Карусель. VII. Суровые дни. VIII. Ликъ скрытый.

Для юношества:

I. Къ Свѣтлой цѣли. II. Служители правды. III. Въ новую жизнь. IV. Рваный баринъ. V. На морскомъ берегу. VI. Догонимъ солнце! VII. Мэри. VIII. Мой «Марсъ».

Impr. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

Цѣна 8 фр.